

*Международный Фонд социально-экономических
и политологических исследований
(Горбачев-Фонд)*

**Проект «Социальное неравенство
и публичная политика»
(СНиПП)**

**«ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НЕРАВЕНСТВО: ТЕКУЩАЯ ПРАКТИКА
И СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРИЯ»**

Стенограмма семинара

**Москва
2006 г.**

Семинар проводился 16 января 2006 г. в рамках проекта **«Социальное неравенство и публичная политика»**, выполняемого в Горбачев-Фонде (руководитель проекта – член-корр. РАН Медведев В.А., координатор – д.ф.н. Красин Ю.А., менеджер – к.социол.н. Щедрина О.В.).

Проект предусматривает комплексное исследование социально-экономического неравенства в российском обществе и разработку узловых вопросов публичной политики в этой сфере по пяти направлениям: Человек и собственность (руководитель – д.э.н. Сорокин Д.Е.); Неравенство доходов как объект публичной политики (руководитель – д.э.н. Шевяков А.Ю.); Социальная сфера: соотношение публичных и частных начал (руководитель – д.э.н. Гринберг Р.С.); Социальная ответственность бизнеса и публичная политика (руководитель – д.и.н. Перегудов С.П.); Неравенство в гражданском и политическом измерениях (руководители – д.ф.н. Красин Ю.А., д.социол.н. Козырева П.М.). Предполагается проведение комплексного социологического опроса (руководитель – д.ф.н. Горшков М.К.).

Содержание:

	Стр.
Доклад Р.С. Гринберга, А. Я. Рубинштейна <i>Экономическое неравенство: текущая практика и современная теория</i>	4
Обсуждение доклада	
<u>Открытие семинара:</u> Медведев В.А.	33
<u>Вступительный комментарий докладчика</u>	
Гринберг Р.С.	35
Рубинштейн А.Я.	38
<u>Выступления и реплики</u>	
Сорокин Д.Е.	46
Перегудов С.П.	49
Щедрина О.В.	54
Горшков М.К.	56
Кирута А.Я.	63
Шевяков А.Ю.	71
Красин Ю.А.	73
Медведев В.А.	83
Шакин С.В.	90
Рубинштейн А.Я.	93
Гринберг Р.С.	98
Медведев В.А.	104

Доклад Р.С. Гринберга, А.Я. Рубинштейна
Экономическое неравенство:
текущая практика и современная теория

Очерк первый

*Экономическое неравенство:
межстрановые сравнения и проблемы теории*

Несмотря на наличие значительного количества межстрановых сопоставлений по проблемам взаимосвязи плюралистической демократии и распределения доходов в обществе, а также между экономическим ростом и степенью демократизации политического режима, об однозначности полученных результатов говорить не приходится. Имеющиеся данные пока не позволяют найти какое-либо тесное соотношение между неравенством и демократией¹. Известные исследователи данной проблематики Миланович и Градсейн² указывают на отсутствие прямой взаимозависимости между демократией и неравенством, замечая при этом, что это особенно характерно для президентских систем, в то время как парламентские системы больше ассоциируются с равенством.

Нет полной ясности и в интерпретации соотношения между экономическим ростом и неравенством. Если Бигстен и Левин утверждают, что страны, успешные с точки зрения экономического роста, скорее всего, успешны и в снижении бедности³, то Кларк, например, подчеркивает, что неравенство мало связано с темпами экономического роста⁴. При этом соотношение между неравенством и

¹ Bollen K., Jackman RW. Political democracy and the size distribution of income. American Sociological Review, 50, pp.1985, pp. 438-457.

² Gradstein M., Milanovic B., Ying Y. Democracy and Income Inequality. An Empirical Analysis. World Bank Policy Research Working Paper 2001/2561.

³ Bigsten A., J. Levin . Growth, Income Distribution, and Poverty. A Review. WIDER Discussion paper 2001/129.

⁴ Clarke G. More evidence of income distribution and growth. World Bank Policy research working paper, 2001/1064,

ростом не зависит от степени развитости демократии в той или иной стране.

Положение становится еще более сложным, если обратиться к опыту бывших социалистических стран. Так, Миланович и Градсейн утверждают, что и демократия, и неравенство параллельно увеличивались в большинстве переходных стран. Правда, обнаруживается закономерность, в соответствии с которой чем дальше та или иная страна продвинулась в области укрепления институтов демократии, тем меньше в ней разрыв между материальным положением богатых и бедных, то есть: рост демократии коррелирует с уменьшением неравенства. Анализ соответствующей литературы приводит к выводу о том, что степень демократизации если и влияет на неравенство, то косвенным образом.

Наиболее часто в расчетах неравенства используется величина дохода, так как его относительно легко подсчитать и сравнивать. Однако оценка неравенства вероятнее всего изменится, если учесть комплексное определение дохода и принять во внимание все составляющие материального и социального благосостояния населения. Среди других факторов, модифицирующих официальные оценки неравенства в бывших социалистических странах, следует отметить следующие.

1. Неформальная экономика и неформальные доходы, которые не учитываются официальной статистикой. В рассматриваемых странах неформальная занятость всегда была существенным источником доходов и потребления. Работодатели не стремятся официально учитывать заработную плату, чтобы избежать уплаты налогов. Общеизвестно, что доход от неформальной деятельности, безусловно, помогает поддерживать уровень жизни и бедным. Но, очевидно и то, что богатые получают от такой деятельности большую выгоду.

Согласно экспертным данным, в России, например, более 70 процентов неформального дохода идет 20 процентам богатых. Таким образом, скорее всего неформальный доход может существенно усилить неравенство в обществе и должен быть учтен при рассмотрении влияния распределения доходов на неравенство.

2. Социальные льготы по месту работы, так как их недооценка при анализе общего благосостояния населения искажает реальные масштабы неравенства в различных государствах. В рассматриваемых странах роль работодателей в обеспечении работников социальными благами традиционно была достаточно существенна.

3. Дачи и возможность для населения потреблять продукты собственного сельскохозяйственного производства. Такая практика особенно распространена в странах СНГ, причем от этого выигрывают в основном малообеспеченные слои населения.

4. Наконец, важно иметь в виду, что статистика накопленного богатства во многих странах проблематична. Известно лишь, что обычно доходы распределяются более равномерно, чем богатство и что общая тенденция конца XX века в большинстве развитых стран - усиление неравенства в распределении богатства.

Наиболее популярной мерой неравенства, как известно, является коэффициент Джини. В докладе ООН 1993 года отмечается, что коэффициент Джини, в бывшем СССР и странах Восточной Европы был ниже, чем в других странах мира. В ходе переходного периоды коэффициент Джини увеличился. Для стран Центральной Европы незначительно - минимум в Польше (от 0.275 до 0.341), в Словении даже несколько снизился. Для стран бывшего СССР коэффициент Джини увеличился более значительно во всех странах, кроме Белоруссии. Самые большие значения Джини - около 0.400 в Киргизии и России (Таб. 1).

Эти данные высвечивают три проблемы, а именно, во-первых, насколько существенно неравенство в регионе, во-вторых, почему неравенство выросло в течение переходного периода и, в-третьих, почему неравенство выросло в рассматриваемых странах по-разному.

Обычно значения Джини в интервале 0.25-0.35 являются отправной точкой, так как неравенство в большинстве индустриально развитых стран попадают именно в этот интервал. В начале переходного периода неравенство в рассматриваемых странах находилось на нижнем пороге этого интервала, но увеличилось в 90-е года прошлого века. При этом в Венгрии и Польше коэффициент Джини оставался равным среднему значению для развитых стран.

Следует отметить, что и в остальном мире развивается тенденция увеличения неравенства как между, так и внутри стран. При этом направления неравенства остаются теми же - богатые становятся богаче, а бедные - беднее. Так, растущее неравенство доходов характеризовало развитие американского общества, начиная с 70-х годов, что привело к значительной концентрации богатства в обществе. При этом коэффициент Джини для США составил 40.8 в 1997, для Великобритании - 36.0 в 1995. Соотношение доходов богатейших 10 процентов к беднейшим 10 процентам составило в этих странах 16.6 и 13.4, соответственно. Более в смягченном виде показатели неравенства увеличивались и в других развитых странах (Таб.1).

Таб.1. Распределение доходов — коэффициент Джини

	1989	1993	1995	1996	1998	1999	2000	2001	2002
Чехия	0.198	0.214	0.216	0.230	0.212	0.232	0.231	0.237	0.234
Венгрия	0.225	0.231	0.242	0.246	0.250	0.253	0.259	0.272	0.267

Польша	0.275	0.317	0.321	0.328	0.326	0.334	0.345	0.341	0.353
Слова-	-	-	-	0.237	0.262	0.249	0.264	0.263	0.267
Слове-	-	-	0.264	0.252	0.243	0.248	0.246	0.244	-
Эстония	0.280	-	0.398	0.370	0.354	0.361	0.389	0.385	0.393
Латвия	0.260	-	-	-	0.330	0.330	0.327	-	0.358
Литва	0.263	-	-	0.347	0.332	0.343	0.355	0.354	0.357
Болга-	0.233	0.335	0.384	0.357	0.345	0.326	0.332	0.333	0.370
Румы-	0.237	0.267	0.306	0.302	0.298	0.299	0.310	0.353	0.291
Македо-	-	0.273	0.295	0.311	0.308	0.308	0.346	0.334	0.332
Сербия	-	-	-	-	0.289	0.273	0.373	0.378	-
Бела-	0.229	-	0.253	0.244	0.253	0.235	0.247	0.245	0.246
Молдова	0.251	-	-	-	-	-	0.437	0.435	0.436
Россия	0.265	0.409	0.381	0.375	0.374	-	-	-	
Украина	0.228	-	0.470	-	-	0.320	0.363	0.364	0.327
Арме-	0.251	-	-	0.420	-	-	-	-	0.359
Азер-	0.308	-	-	-	-	-	0.301	0.373	-
Грузия	0.280	-	-	-	0.503	-	-	0.458	0.454
Кирги-	0.270	-	-	-	0.411	0.399	0.414	0.377	0.382

Источник: Социальный монитор, ЮНИСЕФ, 2004, стр.97.

Как объяснить, что переход к рыночной экономике вызвал рост неравенства? Два наиболее часто приводимых аргумента сводятся к следующему. Специалисты Мирового Банка считают, что очень существенное увеличение неравенства было связано с недостатком реформ и так называемым *state capture*, способностью групп, имеющих власть, влиять на политику в интересах личного обогаще-

ния⁵. С другой стороны, неравенство можно объяснить тем, что люди получили больше возможностей проявить себя и вознаграждение на рынке труда стало больше зависеть от образования и квалификации⁶.

Переход к рыночной экономике привел к принципиальным экономическим изменениям в бывших социалистических странах. Экономический спад имел отрицательное влияние на социальное благосостояние - выросла безработица, снизились доходы, повысился уровень бедности. Последнее является одним из важнейших изменений, произошедших в распределении доходов, и, по нашему мнению, может быть более важной проблемой, чем рост неравенства.

Численность населения, живущего в бедности, резко выросла во всем регионе. Ситуация особенно серьезная в странах бывшего СССР. В Молдове, Киргизии, Таджикистане и Грузии более половины населения считаются абсолютно бедными в соответствии с национальными стандартами. В России около 40 процентов населения живет ниже черты бедности. При этом бедность может быть еще глубже, так как пороги бедности (минимальная потребительская корзина), используемые для определения этого показателя, достаточно низкие.

Бедность в регионе имеет очень сильную психологическую окраску - многие люди пережили коллапс своих ценностей и убеждений, они потеряли ориентиры и страдают от социальной и экономической незащищенности, им трудно приспособиться к новым ре-

⁵ Making Transition Work for Everyone: Poverty and Inequality in Europe and Central Asia. World Bank: Washington DC, 2000

⁶ Social Monitor 2003. The Monee Project CEE/CIS/Baltic States. UNICEF Innocent Research Centre: Florence, 2003.

лиям. Особенной чертой бедности в регионе стала слабая корреляция между уровнем бедности и образования.

Следует отметить, что неравенство доходов тесно связано с определенными социальными показателями. Например, исследования Мирового Банка показывают, что более 75 процентов различий в уровне младенческой смертности между странами связаны с различиями в доходах. Одной из существенных тенденций в состоянии мирового здоровья в XX веке стало снижение продолжительности жизни в рассматриваемых странах. Эта ситуация не имеет прецедента в мировой истории: нигде в развитых странах состояние здоровья не ухудшалось так существенно в мирное время.

Бывшие социалистические страны обычно разделяют на две больших группы - страны Центральной и Восточной Европы и страны бывшего СССР. Последние, в свою очередь, подразделяются на западную группу (Россия, Украина, Молдова и Беларусь), среднеазиатские страны (Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Туркмения, Таджикистан), республики Закавказья (Армения, Грузия и Азербайджан) и прибалтийские страны (Латвия, Литва и Эстония). Лидером, демонстрирующим лучшие показатели, является Центральная Европа, включающая такие государства как Чехия, Польша, Венгрия, Словакия и Словения.

Хотя все страны в регионе столкнулись с серьезными проблемами в переходный период, между ними есть существенные различия. В то время как такие страны ЦВЕ как Польша и Венгрия по-прежнему могут удовлетворять базовые потребности населения, в большинстве стран бывшего СССР стандарты питания, здоровья и обеспечения жильем остаются низкими даже по сравнению с первоначальным уровнем системной трансформации.

Почему степень неравенства различается между бывшими социалистическими странами? На основе статистических данных и анализе имеющейся литературы можно сделать несколько предположений.

1. Первоначальные условия. Группировка бывших социалистических страна по критерию неравенства и другим социальным индикаторам совпадает с уровнем их экономического и социального развития до начала реформ. В среднем уровень ВВП на душу населения в бывших социалистических странах был низкий, но основные потребности в основном удовлетворялись на хорошем уровне, особенно если учесть уровень жизни, младенческую смертность, стандарты питания, безопасность питьевой воды. Однако общее благосостояние в регионе было весьма неравномерно распределено по странам. В то время как уровень благосостояния в ЦВЕ, таких странах как Чехословакия, Венгрия, Польша был достаточно высоким, он был гораздо ниже в республиках Средней Азии и Южной Европы, которые оставались экономически и социально менее развитыми. В дополнение существовали различия в уровне благосостояния между различными доходными группами внутри стран.

2. Неравномерный экономический рост – он возобновился практически во всех 27 странах, начиная с 1998 г. после продолжительного периода спада и стагнации в течение 90-х годов. Однако, уровень 1989 г. достигнут только в Чехии, Польше, Венгрии, Словакии и Словении. В 90-е гг. экономический спад в странах бывшего СССР был гораздо более значительным, чем в странах ЦВЕ.

3. Доля заработной платы в доходах – так как существует негативная связь между уровнем неравенства и долей заработной платы в доходах, то более высокая доля зарплаты и социальных выплат

в доходах населения стран ЦВЕ делает их более эгалитарными обществами.

4. Государственный долг стал еще одной проблемой, с которой сталкиваются страны при необходимости обеспечить непрерывное оказание качественных общественных услуг населению. Некоторые государства в регионе (Армения, Грузия, Молдова, Киргизия и Таджикистан) могут столкнуться с кризисом погашения внешнего долга с самыми серьезными последствиями для социальных расходов.

5. Государственная политика, находящая свое отражение в государственных расходах. Даже если личные доходы не изменяются, благосостояние граждане может расти, если государство увеличивает расходы на здравоохранение, образование и другие общественные услуги. Государственные расходы как процент от ВВП снизились в большинстве стран к концу рассматриваемого периода, причем в некоторых достаточно существенно.

6. Уровень суверенитета - также обычно упоминается при обсуждении проблемы неравенства. В ЦВЕ реформы были инициированы снизу и поэтому эти государства демонстрируют большую приверженность равенству, чем страны бывшего СССР, где реформ были начаты элитой сверху.

7. Высокий уровень коррупции соотносится с высоким уровнем неравенством. Согласно экспертным оценкам, коррупция особенно распространена в странах бывшего СССР.

Перечисленные обстоятельства, как бы важны они ни были, не дают удовлетворительного и исчерпывающего ответа на проблему неравенства в бывших социалистических странах. Мы полагаем, что в целях получения такого ответа надо не только соотносить неравенство в рассматриваемых странах со степенью их демократизации, но и найти ее более специфические аспекты, которые могли бы влиять

на неравенство. Поэтому в поисках адекватного объяснения растущего неравенства в регионе следует обратиться к ценностям, характерным для общественного сознания нарождающихся государств.

Как бы то ни было, проблема неравенства в современном обществе неотделима от проблемы социальной справедливости, то есть от того, какую степень неравенства общество признает как справедливую. Измерение неравенства, таким образом, включает и его моральную оценку. В современном цивилизованном мире практически общепризнанно, что необходимо обеспечить всем гражданам определенный минимальный стандарт жизни. И в этой связи решающее значение приобретает социальная составляющая проводимой публичной политики.

1.2. Проблемы теории. Приведенные результаты анализа наглядно демонстрируют неравенство в его практических формах. Теперь имеет смысл задаться теоретическим вопросом, в какой степени неравенство доходов является допустимым и даже желательным? Да именно желательным. Потому как, если мы попытаемся добиться совершенного равенства, у людей пропадут всякие стимулы работать, инвестировать, рисковать, или делать что-нибудь иное ради заработка, ибо вознаграждения за эти усилия не будет, или будет одинаковым для всех.

Желательным - да, но до какой степени? Где проходит граница между «хорошим» и «плохим» неравенством. Надо сказать, что теория не обошла эти вопросы. Начиная от выпуклой вниз «кривой Лоренца», отражающей фактическое распределение доходов по «процентным группам», и, кончая описанием различных механизмов, обеспечивающих снижение уровня неравенства, - эти проблемы широко обсуждаются не только в научной литературе, они вошли, прак-

тически, во все стандартные учебники⁷. Здесь обнаруживается несколько сюжетных линий.

Во-первых, наиболее обсуждаемой является проблема бедности: абсолютной и относительной. «Мы можем определить бедность двумя способами. Более оптимистическое определение использует абсолютную концепцию бедности: если вы недотягиваете до минимальных стандартов жизни, то вы бедный; если вы вышли на уровень этого стандарта, вы больше бедным не считаетесь. Более пессимистическое определение полагается на относительную концепцию бедности: бедные те, чей доход гораздо ниже среднего»⁸. Здесь можно согласиться с тем, что основной недостаток концепции абсолютной бедности – ее произвольность. Ибо нет никаких объективных способов задания границы бедности. Использование же концепции относительной бедности размывает границы между бедными и небедными⁹. Лучшее всего иллюстрирует эту ситуацию следующий изящный тезис: *«По крайней мере, частично бедные настолько бедны, потому что богатые настолько богаты»*¹⁰. Такое положение дел приводит к пониманию невозможности позитивного определения уровня бедности, переводя эту проблему в плоскость нормативных решений.

Во-вторых, теоретиков и практиков интересуют стандартные причины неравенства. К ним большинство авторов относит существующие различия людей в их «способностях, уровне образования и профессиональной подготовки, профессиональном вкусе, способности к риску, владении собственностью»¹¹, а также различия «в готовности к интенсивной работе, опыте работы, унаследованном богатст-

⁷ См., например: Фишер С., Дорнбруш Р., Шмалензи Р. Экономика. - М., 1997, с.358-376/

⁸ Бомол У., Блайндер А. Экономикс. Принципы и политика. – М., 2004, с.398.

⁹ В качестве примера можно привести Европейский союз, который проводит границу бедности на уровне половины национального среднего дохода, что означает, что граница бедности автоматически повышается, если ЕС становится богаче.

¹⁰ Бомол У., Блайндер А. Цит. соч., с.390.

¹¹ Макконнел К., Брю С. Экономикс: принципы, проблемы и политика. М., 1992, Т.2, с.280.

ве, удаче, связях»¹² и т.п. При этом считается признанным тот факт, что рыночное равновесие, и связанное с ним распределение дохода непременно порождает некоторое неравенство.

В-третьих, в этом слове «некоторое» и заключена самая важная тема неравенства с ее главными проблемами. Как измерить уровень неравенства доходов, где проходит допустимая граница неравенства и можно ли связать эту границу с объективными различиями людей? Если первая проблема получила вполне удовлетворительное решение¹³, то, похоже, что вторая задача в силу очень большого числа неквантифицируемых отличий людей, вообще не имеет научного решения, а ответ на третий вопрос, как и в случае с категорией бедности, сопряжен с ценностными суждениями.

В-четвертых, безусловный интерес для экономистов представляет неравенство доходов в условиях конкурентного равновесия. И здесь существует ясная потребность разделить на графике «кривой Лоренца» область неравенства на две части, установив границу оптимального неравенства. Однако и, не зная этой границы, актуальными остаются попытки снизить уровень неравенства, даже в ситуации Парето оптимального распределения доходов. Решение этой задачи позволило бы вполне целенаправленно использовать инструментарий перераспределительных механизмов, разработанный теорией государственных финансов¹⁴.

В-пятых, следует отметить особую роль перераспределительных механизмов, которую подчеркивают следующие два вывода: «1) Существуют хорошие и плохие способы добиваться равенства. Ста-

¹² Бомол У., Блайндер А. Цит. соч., с.401-403.

¹³ Уровень фактического неравенства можно измерить на стандартном графике «кривой Лоренца» величиной площади области, ограниченной биссектрисой прямого угла и кривой Лоренца. Вопросы уточнения уровня неравенства доходов с учетом реализации социальных программ рассмотрены в известной работе Эдгара Браунинга (Browning E.K. How Much More Equality Can We Afford? // The Public Interest. 1976, Springer, pp. 90-110).

¹⁴ См., например: Стиглиц Дж. Ю. Экономика государственного сектора. – М., 1997.

раясь получить равенство доходов (или борясь с бедностью), следует всегда выбирать приемы, в наименьшей степени подавляющие мотивацию. 2) За равенство надо платить. Поэтому, как и в отношении любого товара, общество должно рационально для себя решить, сколько равенства ему следует «купить»¹⁵.

Последний вывод особенно близок нашим представлениям о неравенстве. Мы так же считаем, что за равенство, как и за реализацию любых иных интересов общества как такового, не выявляемых рыночными механизмами, надо платить. Именно этот обмен ресурсов общества на полезность «равенства» и определяет экономическую оценку компромисса между эффективностью и справедливостью. В данном выводе заключен и наш собственный взгляд на проблему неравенства.

Завершая этот краткий обзор, следует остановиться на том понимании экономического неравенства, которое есть у наших коллег¹⁶. С точки зрения теории, центральной идеей их исследования является разделение неравенства на нормальное и избыточное. «Наша теоретическая находка, - пишет А.Ю.Шевяков, - состояла в том, что при разложении неравенства на две составляющие – нормальную и избыточную, которая определяется бедностью, ...выясняются очень интересные (статистические – Р.Г. и А.Я.) зависимости»¹⁷. Мы специально дали (в скобках) поясняющее слово, отражающее не только контекст данной цитаты, но и саму суть подхода А.Ю. Шевякова. В соответствии с авторским замыслом нормальное неравенство определяется через уровень бедности, который они определяют как статическую категорию.

¹⁵ Бомол У., Блайндер А. Цит. соч., с. 409.

¹⁶ Шевяков А.Ю., Кируга А.Я. Измерение экономического неравенства. - М., 2002, с. 66-68.

¹⁷ Шевяков А.Ю. Социальная политики и распределительные отношения: проблемы и пути формирования // Экономическая наука современной России, №3(30), 2005, с. 58.

Вот здесь хочется возразить. В нашем понимании уровень бедности – это социальное, а не статистическое понятие. Учитывая это, мы хотели бы предложить иную интерпретацию категории нормального неравенства. Нам кажется, в частности, что уровень нормального неравенства – это исключительно ценностное суждение, вырабатываемое политической системой, выявляющей на каждом отрезке времени соответствующие социальные интересы и приоритеты, включающей в себя этическую (по Самуэльсону) оценку приемлемого соотношения между эффективностью и справедливостью. Подобную трактовку никак не следует противопоставлять статистическому анализу. Напротив, мы полагаем, что любые нормативные решения должны быть подкреплены соответствующим статистическими выкладками. Но и не более того: даже устойчивые статистические закономерности не могут заменить нормативных суждений. Нормальное неравенство – это та ценностная норма, которая должна быть результатом публичной политики.

При таком понимании категории нормального неравенства все становится с головы на ноги. И если вернуться к теориям благосостояния и государственных финансов, то схема выглядит достаточно ясной. Возникающее конкурентное равновесие приводит к определенному распределению богатства, порождающее соответствующий уровень неравенства. Сравнение этого фактического неравенства с той этической нормой, которую общество установило для данного временного (уровень нормального неравенства), приводит в действие перераспределительные механизмы (трансферты, налоги и т.п.), направленные на обеспечение нормативного уровня неравенства. Далее вновь запускается рыночный механизм со всеми последующим итерациями.

И в такой постановке, безусловно, есть свои проблемы. Они связаны как с механизмами выявления общественных интересов и формулировкой ценностных суждений об уровне нормального неравенства, так и с перераспределительными механизмами, направленными на сокращение фактического уровня неравенства. Кстати, в этом контексте, и уровень бедности должен быть производной характеристикой от принятой нормы неравенства, а не наоборот. Очевидно, что особая роль в такой постановке проблемы принадлежит публичной политике и соответствующим ей механизмам выявления интересов общества как такового.

Очерк второй

Публичная политика и механизмы выявления общественных интересов

В предисловии к изданию англоязычного перевода книги Кнута Викселля «Исследование по теории финансов» Джеймс Бьюкенен призывал «коллег-экономистов сначала построить какую-либо модель государственного, или политического устройства, а уже потом приступить к анализу результатов государственной деятельности»¹⁸. Неизменно следуя этой методологической установке, он разработал собственную модель государственного устройства и свою институциональную теорию конституционной экономики. Имея в виду выявление общественных интересов связанных с сокращением уровня неравенства, обсудим вначале наше видение современного общества и демократического государства, наши взгляды на публичную политику и совместную жизнь людей в социуме.

¹⁸ Бьюкенен посчитал этот призыв настолько важным, что напомнил о нем в своей Нобелевской лекции (Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики. // Нобелевские лауреаты по экономике. Джеймс Бьюкенен. – М., 1997, с. 18).

2.1. О современном обществе и государстве. Размышляя об эволюции государства, можно было бы говорить о полном триумфе либеральной доктрины, если бы не ряд досадных обстоятельств, встречающихся в нашей повседневной жизни и свидетельствующих о еще не завершившейся «битве с хаосом». Существующее неравенство, иногда явно чрезмерное, и наличие интересов общества принципиально не выявляемых рынком, свидетельствуют о системных недостатках в механизме «невидимой руки» и заставляют задуматься о необходимости дальнейшего перераспределения, присущей ей «энергии упорядочения».

Однако речь не идет о движении вспять, от рыночного саморегулирования к расширению области властных решений. Напротив, мы исходим из необходимости создания условий, когда чисто властные полномочия сокращаются, а сама власть и ее целенаправленное поведение переводится в пространство рыночного обмена, где государство превращается в один из субъектов рынка, действия которых координируются механизмом саморегулирования. В этом случае «невидимой руке» действительно придется «поделиться» сконцентрированной в ней «энергией упорядочения», но не с властью принуждения, а в пользу другого, подобного же ей механизма. Поясним наш вывод.

Еще со времени Смита «естественная склонность к торговле и обмену» стала основой спонтанного порядка, выявляющего цели и средства для их достижения, обеспечивающие благосостояние всего общества. Между тем, обслуживающий этот процесс механизм «невидимой руки» справляется с данной задачей лишь только в той мере, в какой всякая общественная потребность сводится к интересам индивидуумов. Любое же нарушение универсальности гипотезы сводимости мстит расширением властных полномочий государства

и усилением его интервенционистских функций, то есть приводит к фактическому перераспределению «энергии порядка» непосредственно в пользу власти.

Неразделенность целевых установок общества и средств, для их реализации, в одном и том же механизме, в общем случае не позволяет обеспечить требуемой гармонии. Решение проблемы видится нам в дополнении «невидимой руки» другим механизмом, способным выявлять и актуализировать несводимые общественные потребности. Речь идет о механизме социального иммунитета, в основе которого лежат процессы динамических изменений в социуме, сопровождающиеся уменьшением энтропии и формированием интереса общества как такового¹⁹. В некотором смысле именно данный механизм обладает самым большим потенциалом упорядочения, ибо позволяет структурировать «разлитую» в социуме энергию флуктуаций в конкретные интересы общества. Причем в отличие от «невидимой руки» механизм социального иммунитета вовсе не связан с равновесием и даже, действуя в противоположном направлении, отвечает за вектор развития самого общества.

Сформулируем общий взгляд на государственное устройство. В нашей модели само государство и его целенаправленные действия существуют в трех измерениях: социальный иммунитет выявляет несводимые общественные интересы и формирует цели государства, власть принуждения обеспечивает ему необходимые доходы и выполнение установленных общих правил, а механизм «невидимой руки» реализует оптимальную алокацию ресурсов, в том числе и распределение государственных средств.

2.2. В среде социального иммунитета. Строго говоря, механизм социального иммунитета является самодостаточным. Во вся-

¹⁹ Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Экономическая социодинамика. – М., 2000, с. 121-130.

ком обществе и при любой модели государственного устройства социальный иммунитет принадлежит к тем процессам динамических изменений социума, которые, впитывая энергию внешних возмущений и положительных обратных связей, в конечном счете, обеспечивают выявление интересов общества как такового вне зависимости от текущей позиции государства. В данном смысле значение самого государственного устройства всегда вторично.

В то же время эффективность такого механизма, существенным образом зависит от социальной и политической среды, от степени демократичности общества. С этой точки зрения значение государства переоценить очень трудно. Сумма указанных обстоятельств, собственно, и определяет возможности анализа поведения государства в среде социального иммунитета, действие которого отражает процессы формирования и актуализации несводимых общественных интересов.

Говоря об интересах общества как такового, мы исходим из того, что в процессе «социального образования» людей и самокоррекции их предпочтений, возникает спонтанная согласованность индивидуальных оценок. Именно так формируется консенсус всех или большинства людей, именно так «гражданская добродетель» может стать всеобщей, или почти таковой. Однако данный подход отнюдь не идентичен «платоновской вере в существование в политике истины, которую стоит только раскрыть, как ее можно будет объяснить благоразумным людям»²⁰.

Мы не разделяем этих очевидно упрощенных взглядов. Более того, согласны мы с Бьюкененом и в том, что «поиски некоего «общественного интереса», независящего от конкретных интересов от-

²⁰Бьюкенен Дж. Границы свободы. Между анархией и Левиафаном // Нобелевские лауреаты по экономике. Джеймс Бьюкенен. – М., 1997, с. 212.

дельных участников общественного выбора и находящегося вне их, подобны поискам священного Грааля»²¹. Не нужна нам чаша сия, как и пустые хлопоты самих рыцарей Круглого Стола. Мы абсолютно уверены, что нет, и не может быть никаких *априорных* интересов общества. Несводимые общественные потребности, подобно ценам рыночного равновесия, всегда существуют только *апостериори* и формируются в процессе реакции социума, выявляющей в поведении людей интересы общества как такового, актуализирующей эти интересы, обеспечивая их признание со стороны большинства индивидуумов²².

Заметим здесь, что далеко не все способны воспринять общественную потребность, не всем дано «увидеть» другую пользу, кроме сиюминутной личной выгоды. Поэтому, если и имеет смысл говорить о феномене политической истины, то лишь в терминах общественного договора, представляющего результат согласования индивидуальных предпочтений в процессе «социального образования» людей.

Сначала только отдельные люди, затем немногие, потом и группы людей улавливают «гормон» особого интереса, вырабатываемый иммунной системой общества. Воспринимая социальные цели, они убеждают в их важности других сограждан; в этом дискурсе, в результате модернизации и накопления социального опыта, поступаясь собственными предпочтениями, через компромисс индиви-

²¹Бьюкенен Дж., Таллок Г. Расчет согласия, с. 48.

²²Проиллюстрируем этот вывод словами Петера Козловски, который, сопоставляя взгляды Бьюкенена и Хабермаса, пишет. «Оба отвергают возможность существование истины вне общения вне дискурса. До завершения процесса на рынке, до подведения итогов общения ни одна потребность, ни одно суждение не могут рассматриваться как априорно обладающие статусом истинности» (Козловски П. Цит. соч., 1998, с. 255). Очевидно, что исследуемый нами механизм формирования социального интереса подчиняется этой же закономерности.

дуумы приходят к согласию²³. Именно оно определяет ситуацию, в которой коллективная потребность начинает господствовать в умах людей, принимающих решение от лица всего общества. И, чем совершеннее его институты, тем путь этот короче и адекватность социальных целей выше.

Теперь о нашем «почти» и о «гражданской добродетели», которая может быть всеобщей только почти. Собственно, в этом «почти» кроется главное отличие наших представлений о государстве от взглядов Хабермаса²⁴ и модели государственного устройства Бьюкенена. Повторяя его изящную формулу - «анархия идеальна для идеальных людей; наделенные страстями должны быть благоразумны»²⁵, - подчеркнем, что единогласие возможно только в идеальном обществе, потому и правило всеобщего консенсуса становится лишь «идеальным правилом»²⁶.

Всякие же иные правила трактуются Бьюкененом как его варианты. Мотивируя их наличие, он констатирует, что «они могут быть рационально выбраны не потому, что принятые в соответствии с ними коллективные решения будут «лучшими» (заведомо известно обратное), а потому, что в конечном итоге размер издержек принятия решений по правилу единогласия обуславливает некоторое отступление от этого идеального правила»²⁷. Здесь Бьюкенен дополняет свой «всеобщий консенсус» платоновской идеей «второго лучшего». А это значит, что в окружающей нас действительности единогласие уступа-

²³ Хабермас определяет дискурс как «идеальную разговорную ситуацию», итогом которой является достижение консенсуса (Habermas J. Zur Logik der theoretischen und praktischen Diskurses // Riedel M. (Hrsg.) Rehabilitierung der praktischen Philosophie. Bd. 2. – Freiburg, 1974, S. 381-402).

²⁴ Обратим внимание здесь на верное замечание Козловски, отметившего, что «... в теории дискурса Хабермаса проблема власти совершенно отступает на задний план» (Козловски П. Цит. соч., 1998, с. 258).

²⁵ Бьюкенен Дж. Границы свободы, с. 209.

²⁶ Бьюкенен Дж., Таллок Г. Расчет согласия, с. 129.

²⁷ Там же.

ет место голосованию большинством. И потому гражданская добродетель оказывается лишь почти всеобщей.

За этим же «почти» скрываются и несколько иные представления о фактических «границах свободы» и реальном распределении бюрократических «сил порядка». Учитывая существование единогласия исключительно в виде идеальной нормы, и вытекающее из такого понимания признание специфического общественного интереса лишь большинством людей, подчеркнем, что реализация данного интереса всегда основана на власти принуждения.

Речь идет о принуждении некоторого меньшинства субъектов, оказавшихся (по Хабермасу) неспособных к модификации, так и не сумевших увидеть в сформировавшихся новых целевых установках общества эгоистического интереса. И ровно в той мере, в какой «гражданская добродетель» не стала всеобщей, власть принуждения должна дополнить действующий механизм социального иммунитета, выявившего и актуализировавшего общественные цели, обеспечивая их достижение в виде «второго лучшего».

Подчеркнем здесь, что всякое принуждение чревато двумя сюжетами, каждый из которых следует рассмотреть отдельно. Во-первых, «принуждение к счастью» индивидуумов, не сумевших увидеть личные выгоды в реализации коллективного интереса, продолжает процесс их принудительного «обучения» с привлечением государства, которое своими действиями способно сделать эту связь более прозрачной.

Во-вторых, властные действия способны породить и обратную ситуацию, когда участие государства в реализации интереса большинства не приводит к его «восприятию» и индивидуализации со стороны принуждаемого меньшинства. Исправляя ошибки государства, возникшие в результате неверно понятых интересов общества

или их искажения под воздействием интересов «специальных групп»²⁸, а также ввиду релятивизма самих целевых установок, иммунная система социума выявляет у представителей принуждаемого меньшинства новую потребность, альтернативную предпочтениям большинства.

Таким образом, реакция общества на подавление интересов его меньшинства может приводить к прямо противоположным результатам. В этом достаточно обычном случае не трудно заметить действие механизмов положительной обратной связи, запускающих процессы формирования нового социального интереса, его постепенного распространения и последующего признания большей частью сограждан. И здесь в пределе возможен полный отказ от прежней целевой установки общества, а тем самым и достижение всеобщего консенсуса, но уже на почве ее отрицания, на более «высоком уровне сложности» и в связи с появлением иного социального интереса.

Подчеркнем еще раз, иммунная система социума самодостаточна и, в конце концов, обеспечивает выявление истинных интересов общества. Однако, очевидно, что момент этот может наступать раньше или позже в зависимости от конкретных действий государства. Поэтому его рациональное поведение, способствующее выявлению и актуализации общественного интереса на ранних стадиях, требует внимательного и бережного отношения к меньшинству. Мы

²⁸Говоря об ошибках государства, мы не собираемся их противопоставлять ошибкам рынка. Сошлемся на мнение Бьюкенена, который в этом, уже навязшем на зубах сравнении видит интеллектуальное банкротство. «В социально-политическом отношении 70-е годы XX века могут быть названы годами интеллектуального банкротства. Экономисты – сторонники теории благосостояния продолжают находить изощренные примеры провалов рынка; сторонники теории общественного выбора, которых обвиняли в любительских занятиях «политикой благосостояния», дополняют работу приверженцев «экономики благосостояния», приводя свои примеры провалов государства». И далее. «Человек 70-х попал в ловушку дилеммы. Он понимает, что две великие альтернативы», *laissez faire* и социализм, умирают, и вряд ли можно ожидать их возрождение» (Бьюкенен Дж. Границы свободы, с. 429-430). В данном случае, констатация ошибок государства важна для нас лишь настолько, насколько это имеет значение для описания действия телеологического механизма социального иммунитета.

подозреваем, что именно в данной части общества «обитают» его пассионарии, обладающие повышенными способностями «видеть то, что временем закрыто» для большинства сограждан. Потому *поддержка пассионарного меньшинства, создание ему условий наибольшего благоприятствования* является, на наш взгляд, важнейшим принципом публичной политики, обеспечивающим условия для эффективной «работы» социального иммунитета – механизма выявления и формирования интересов общества как такового.

Повторим в заключение, что механизм социального иммунитета обеспечивает необходимую институциональную цепочку выявления и актуализации артикулированных ценностных суждений в отношении допустимого для данного исторического этапа уровня неравенства доходов. При этом граница такого неравенства, то есть тот его уровень, который соответствует этическим представлениям большинства граждан, как раз и является линией нормального неравенства. Повторим и вывод Вильяма Баумоля о том, что за сокращение неравенства надо платить. Реализуя интерес общества в его стремлении к справедливости, государство обменивает находящиеся в его распоряжении ресурсы на социальную полезность сокращения неравенства.

Очерк третий

Перераспределительные механизмы и дооценка творческого труда

Обсудив проблемы выявления и формирования ценностных суждений в отношении допустимого уровня неравенства доходов (в терминах настоящего доклада - нормального неравенства), рассмотрим теперь проблемы перераспределения, механизмы которого должны обеспечивать реализацию общественного интереса в сокращении не-

равенства до уровня нормального. Очевидно, что спектр вопросов здесь почти безграничен. Никак не затрагивая основные сюжеты этой проблематики, связанные с налогами и трансфертами, с бедностью и социальным обеспечением, с иными аспектами мериторного вмешательства государства, остановимся лишь на одном только вопросе. Речь идет о первичном распределении дохода, о нынешней недооценке такого фактора производства как труд и о возможности его дооценки с целью перераспределения доходов населения в сторону сокращения существующего уровня неравенства.

В основном данный вопрос будет рассматриваться здесь в контексте эволюции труда и проблемы стоимостной оценки высококвалифицированного творческого труда. Но сначала надо оговорить ряд моментов, на которые мы будем опираться в своих дальнейших рассуждениях. И, прежде всего, это относится к положению о том, что творческий труд и его результаты в подавляющем большинстве случаев принадлежат к благам, имеющим социальную полезность, то есть способным удовлетворять потребности общества как такового²⁹. Подобное отношение к творческому труду обуславливает существование двух различных источников его оценки.

Причем вторым источником оценки, автономным по отношению к спросу индивидуумов, является государство, которое, выражая интересы общества в целом, выступает в качестве самостоятельного субъекта рынка. Говоря об автономных интересах общества, мы имеем в виду специфические потребности общества как такового, не сводимые к частным интересам индивидуумов. Иначе говоря, наличие социальной полезности означает, что продукты творческого труда имеют некую социальную компоненту, которая не находит должного отражения в стандартных стоимостных измерителях. Обычно эту ком-

²⁹ Рубинштейн А.Я.. Структура и эволюция социального интереса. – М., 2003, с. 252-260.

поненту связывают с увеличением интеллектуального или культурного капитала³⁰, иногда говорят о приросте человеческого капитала³¹. Так или иначе, но, рассуждая о творческом труде, именно эту компоненту как раз и надо иметь в виду.

Оценка интеллектуального капитала – эта та задача, которую уже более десяти лет решают ряд корпораций, пытающихся определить стоимость нематериальных активов. И, хотя, какого-то законченного представления о методах измерения интеллектуального капитала еще не сложилось, некоторые общие очертания применяемых принципов уже видны³². Именно эти принципы мы считали бы возможным использовать при оценке социальной компоненты творческого труда, но с одной очень важной оговоркой. Завершая предварительные замечания, можно сформулировать три основных положения, которыми будем руководствоваться в оценке творческого труда.

Следствие из концепции экономической социодинамики. *Являясь автономным рыночным игроком, государство обменивает находящиеся в его распоряжении ресурсы на социальную полезность благ.* В этой парадигме «носитель» творческого труда выступает одновременно и как производитель соответствующих продуктов. Продавая результаты своей деятельности, он одновременно обменивает созданную социальную полезность на бюджетные средства государства. Исходя из целей настоящей работы, можно считать в первом приближении, что государство расходует свои средства на улучше-

³⁰ Throsby D. Cultural Capital. In: A Handbook of Cultural Economics (Eds. Towse R.), Edward Elgar. 2003, PP.166-169.

³¹ Козырев А.Н., Макаров В.Л. Оценка стоимости нематериальных активов и интеллектуальной собственности. – М., 2003, с. 197. См. также: Becker G. Human Capital. N.Y., 1964, Schultz T. Investment in Human Capital. N.Y., 1971

³² В эконометрических работах используют и другой термин – «неосязаемый капитал», по своему смыслу почти совпадающий с понятием интеллектуального капитала.

ние общественной среды, связанной с приростом знания и в целом интеллектуального капитала общества.

Здесь надо подчеркнуть особо, что во многих случаях носители творческого труда, обеспечивающие прирост интеллектуального капитала, выступают обладателями уникальных технологий создания таких продуктов. Это относится к большинству представителей фундаментальной и прикладной науки, культуры и образования, где сами индивидуумы являются носителями таких технологий, неотделимых, по сути, от них самих. Подобная ситуация характерна для многих видов культурной, научной и образовательной деятельности, где творческий труд несет в себе и соответствующие технологии создания соответствующих продуктов. В данном смысле ученые, артисты, педагоги, другие носители творческого труда являются собственниками не только своей способности к труду, но и результатов этого труда - прав на использование создаваемой ими интеллектуальной собственности на соответствующих рынках. Оценка указанных прав – нематериальных активов³³ – мы и рассматриваем в качестве процедуры стоимостной оценки творческого труда.

Следствие из теоремы Модильяни–Миллера. *Стоимость прав интеллектуальной собственности определяется только теми доходами, которые приносят или могут принести эти права при существующем или при наилучшем их использовании*³⁴. Это теоретическое следствие из теоремы Модильяни–Миллера играет ключевую роль в решении поставленной практической задачи - оценки прав на использование интеллектуальной собственности на соответствующих рынках. Идея стоимостной оценки указанных прав на основе дохода от их реализации на том рынке, где обеспечиваются его максимальная величина

³³ Строго говоря, подобные «ноу-хау», неотделимые от конкретных физических лиц, теория относит к человеческому капиталу, который не отражается в составе активов организаций.

³⁴ Козырев А.Н., Макаров, Л.В. Цит. соч., с.45.

- реализация условия наилучшего использования, создает предпосылки для определения вполне конкретной расчетной процедуры.

Но сначала следует сказать о самом принципе оценки творческого труда по лучшим условиям его применения. Здесь надо обратить внимание на тот феномен, что в условиях глобализации и развития информационного общества, когда творческий труд начинает доминировать в структуре общих расходов труда, наблюдается эволюция самого творческого труда: мутируя он приобретает специфические черты капитала. И в этом своем новом качестве творческий труд подвержен общей закономерности – как и капитал, он обладает способностью «переливаться» в те производства, где обеспечивается его большая отдача. Понятно, что в условиях глобализации и стирания национальных границ конкурентоспособный творческий труд устремляется туда, где для него существуют лучшие условия, и обеспечивается большая отдача. По-видимому, именно данный факт объясняет известный феномен «утечки мозгов и талантов».

В подобных обстоятельствах возможны три основных направления деятельности государства. Во-первых, обеспечивая экономическую мотивацию творческого труда и нейтрализуя склонность к «фрирайдерскому» поведению потребителей результатов этого труда, государство развивает институты интеллектуальной собственности, посредством которых исходно публичные блага (например, новые знания), имеющие индивидуальную и социальную полезность, вовлекаются в рыночный обмен. В процессе такого обмена эти блага приобретают цену, обуславливая тем самым и соответствующую оценку творческого труда.

Во-вторых, принимая во внимание неразвитость многих локальных (национальных) рынков таких смешанных благ, как новые знания (результаты прикладной науки, инновационные продукты и

технологии), государство использует инструменты структурной политики (субсидии, налоговые льготы и т.п.). Обеспечивая поддержку соответствующих секторов экономики и/или отдельных инновационных проектов, оно дополняет оценку творческого труда, сформировавшуюся на локальных (национальных) рынках, дооценкой этого труда по лучшим условиям его применения, имея в виду рынки мировых лидеров. При этом в течение всего начального периода, пока рыночный спрос на продукты информационного сектора остается недостаточным, он должен дополняться спросом, предъявляемым государством. Решение данной задачи с использованием известных моделей и механизмов мериторики³⁵ суть еще одно направление построения эффективной траектории эволюции знания. Поддерживая именно таким образом развитие данного сектора, государство способствует общему росту предложения информационных услуг, которое в свою очередь вызовет дополнительный спрос со стороны населения и других хозяйствующих субъектов.

В-третьих, будучи единственным потребителем благ, никак не участвующих в рыночном обмене, но обладающих социальной полезностью (например, результаты фундаментальной науки), государство устанавливает уровень оплаты труда их создателей на основе принципа оценки творческого труда по лучшим условиям его применения. При этом и в данном случае, говоря о лучших условиях, следует иметь в виду наиболее развитые в научном отношении страны - мировые лидеры.

Понятно, что реализация указанных направлений государственной активности требует осуществления достаточно радикальной реформы доходов. В число приоритетных задач такой реформы должна

³⁵ Musgrave R.A. The Theory of Public Finance. N.Y.-London, 1959; Tietzel M., Muller C. Noch mehr zur Meritorik. / Zeitschrift für Wirtschafts – und Sozialwissenschaften. 118. Jahrgang 1998, Berlin.

быть включена разработка практических рекомендаций, направленных на повышение доходности интеллектуального труда и создание условий для перераспределения общественного богатства в пользу работников, занятых в производстве знаний.

Есть и другое следствие. Необходимость реформирования доходов и возрастающая в этой связи потребность в бюджетных ресурсах может обнажить проблемы фундаментальной науки, образования и культуры: следует считаться, например, с тем, что комплексная наука, может оказаться «не по карману» для данной страны. В этой ситуации есть две возможности. Либо сознательно отказаться от амбиций державы, имеющей собственную комплексную фундаментальную науку, развитые культуру и образование, либо, признав необходимость реформы доходов, попытаться сконструировать «перспективную стратегию» реформирования и думать о введении соответствующих «промежуточных» институтов³⁶.

³⁶ Здесь следует обратить внимание на быстро развивающуюся теорию реформ, в которой предлагаются некие общие принципы реформирования институтов. См.: В.М. Полтерович. Стратегии институциональных реформ. – М., - 2005. Говоря о промежуточных институтах, можно привести пример Индии с ее политикой в отношении «утечки» ученых и студентов.

Обсуждение доклада

Открытие семинара

Медведев В.А.

Прежде всего я должен пояснить ситуацию, сложившуюся с нашим сегодняшним семинаром – Круглым столом: по объективным и частично субъективным причинам возникло некоторое расхождение с планом-перспективой нашего проекта. Дело в том, что тема представленного доклада не совсем совпадает с названием четвертого раздела проекта, в котором речь должна идти об общественных благах как факторе, смягчающем социальное неравенство. Доклад же представлен на более общую тему.

Что я могу сказать? Это вызывает необходимость предпринять дополнительные усилия, чтобы закрыть образовавшуюся брешь. Но, как говорят, нет худа без добра. Дело все в том, что в представленном Р.С. Гринбергом и А.Я. Рубинштейном докладе продолжается и углубляется обсуждение очень важных для нас проблем, которые уже вставали, особенно на последнем нашем семинаре. По ним развернулась дискуссия, но это «неоконченная повесть». И хорошо, что она будет продолжена, потому что речь идет, пожалуй, о самых главных и кардинальных вопросах, имеющих системообразующее значение для нашего проекта. Это проблемы соотношения равенства и неравенства; разделения неравенства на нормальное и избыточное (социально приемлемое); роли государства в процессах регулирования этих сторон социально-экономической действительности и некоторые другие вопросы, вновь поставленные в докладе Р.С. Гринберга и А.Я. Рубинштейна. Выдвинуты и некоторые новые проблемы: в частности, проблема межстрановых различий в неравенстве, проблема интеллектуального труда в ее общей постановке.

Думаю, что будет полезно еще раз обсудить эти вопросы не только для углубления нашего собственного понимания, но и для работы над докладом в целом.

Единственное, о чем мне хотелось бы просить вас, это то, чтобы проблема социальных благ, проблема социальной сферы, соотношения публичных и частных начал в этой сфере сегодня не обходилась, чтобы по ней тоже были высказаны суждения, по крайней мере, на некоем теоретическом и методологическом уровне. Если бы это удалось сделать, то было бы очень хорошо. Сомневаюсь, что у нас будет возможность еще раз специально собраться для обсуждения этой темы.

Совмещать последний наш семинар с этим вопросом нежелательно, потому что проблема социальной ответственности бизнеса, выносимая на обсуждение, имеет большое самостоятельное значение. И тут тоже нас ожидают, наверное, не менее острые и не менее содержательные дискуссии.

Сейчас я предоставляю слово авторам доклада для краткого представления доклада. Прошу учесть высказанное на прошлом заседании предложение, чтобы эти представления не были длительными (5-7 минут) и исходили из того, что мы все приходим сюда с полным знанием текста и сложившимся мнением о докладе. Если же это будет комментарий по проблеме, которая у нас оказалась вне поля зрения, то тогда можем и прибавить время.

Вступительный комментарий докладчика

Гринберг Р.С.

В.А. Медведев намекнул уже на то, что были субъективные и объективные причины, побудившие написать этот текст немножко на другую тему. Если вы посмотрите, то там написано: социальная сфера, соотношение публичных и частных начал.

Собственно говоря, мы думали на эту тему, как все это правильно сделать, чтобы было это четко и ясно разделено, и не пришли к такому однозначному выводу. Почему? Потому что мы на протяжении последних пяти-шести лет занимаемся одной концепцией, и в рамках этой концепции у нас есть ясная установка на то, чтобы, вообще-то говоря, частные начала были везде. А там, где они не реализуются, т.е. никто не берет ответственность за выполнение тех или иных функций, которые нужны человеку. И только в этом случае государство вмешивается.

Грубо говоря, если бы, например, частное здравоохранение удовлетворяло бы интересы всех людей, то можно себе представить, что вообще не нужно никаких государственных поликлиник и все такое прочее. Или театры, или еще что-нибудь.

Надо сказать, что в отличие от многих других экономистов и социологов мы считаем, что это большой абсурд сравнивать эффективность производства услуг государством и частным бизнесом. А почему абсурд? Потому, что государство по определению занимается планово-убыточными сферами, которые нужны для человека и не нужны частному бизнесу.

В этой связи я должен покаяться, что я всю свою жизнь смеялся над понятием «планово-убыточное предприятие». Это считалось абсурдом, ледяным кипятком. И под влиянием демократической ин-

теллигенции я тоже это высмеивал. На самом деле, мне очень стыдно за это теперь. Мне кажется, что очень важно нам осознать, что существуют такие сферы, где без государства вообще нельзя обойтись, будь оно коррумпированное, будь оно олигархическое, будь оно бандитское – какое хотите, но только оно может этим заниматься.

В этой связи к теме соотношения государственных и частных благ, к чему привлекал наше внимание В.А. Медведев, - мы не могли найти какого-то ключа, кроме того, о чем я сказал выше. Поэтому мы решили под влиянием полемики на прошлом заседании, в котором я, к сожалению, не участвовал, взять тему приемлемого и неприемлемого неравенства, которую выдвинул А.Ю.Шевяков. Это действительно важный момент.

Перед этим мы решили рассмотреть страновые сопоставления. Я должен сказать, что опять пришли к неутешительному выводу: мы не можем найти положительную корреляцию между экономическим ростом и неравенством, между демократическими ценностями и неравенством. Что получается? Есть много стран, где есть демократические ценности и очень большое неравенство. Есть много стран, где авторитаризм укрепился и более-менее приемлемое неравенство.

Точно так же и экономический рост. Экономический рост (и Шевяков это блестяще доказал: по России и по другим странам это видно) не ведет автоматически к созданию среднего класса – то, что считается совершенно нормальным для развития общества в целом. Но есть, правда, гипотеза, которую надо еще исследовать, чтобы после некоторого насыщения, я имею в виду уровня доходов, есть стремление все-таки жить в демократических условиях. Страновые сопоставления это показывают.

В этом смысле весь мир с напряжением ждет, что в Китае случится, когда большинство людей начнет нормально жить, питаться, одеваться. Несомненно, появится стремление потребовать демократического устройства. И что тогда будет – это тоже большой вопрос. Может, это привести вообще к коллапсу мирового масштаба, потому что демократизация Китая влечет за собой различные трудности.

Вот то, что я хотел сказать. Может быть, Александр Яковлевич Рубинштейн добавит что-то по поводу приемлемости и неприемлемости неравенства – какое правильное и какое неправильное и как его определять.

Рубинштейн А.Я.

Я постараюсь очень коротко, учитывая, что текст есть.

Во-первых, хотел бы принести извинения, что я тогда вынужден был уйти и не участвовал в продолжении дискуссии. Не потому, что я сбежал, просто у меня не было времени. Поэтому я сегодня открыто жду всякие критические замечание. Это первое.

Второе. Я хотел бы обратить немного внимание на структуру этого доклада, который мы представили, имея в виду три сюжета. Про один сюжет уже Руслан Семенович говорил. Второй сюжет связан с тем, что снова мы обращаем внимание к определению для того, чтобы понять наше отношение к этому. Еще один сюжет вытекает отсюда и связан с выявлением общественных потребности, если хотите, и попыткой найти ценностные суждения, которые лежат в основе дефиниций неравенства, вернее, нормальное равенство.

И последний сюжет, собственно, возник случайно. Он возник в связи с тем, что здесь было обсуждение. А.Ю. Шевяков говорил, что существенным моментом, связанным с механизмами, которые обуславливают снижение существующего неравенства. Это не только известные механизмы – скажем так, налоговые и т.д., но и, в частности, первичного распределения той дооценки или переоценки труда, который у нас в данном случае работает как фактор, увеличивающий неравенство.

В этой связи здесь присутствует третий сюжет, направленный на некие наши предложения, на идеи, связанные с возможным сокращением неравенства в результате переоценки творческого труда. И теперь по поводу каждого сюжета, буквально, несколько слов.

Во-первых, определение. Я прекрасно понимаю, и много читал докладов А.Ю. Шевякова и соответствующую литературу (научную, учебную), здесь очень много написано. Понятно, что в сегодняшнем

определении, скажем, той границы, к которой нужно стремиться, объективно существующего неравенства, обычно используются социальные стандарты в том или ином виде. Это, может быть, уровень бедности, это, может быть, какой-то другой способ определения. Но вот если мы находимся на границе социального стандарта, то, значит, это и есть та норма. Кто не может обеспечить социальный стандарт – значит, говоря терминологией А.Ю. Шевякова, это избыточное неравенство.

Здесь возникает много разных вопросов, почему они у нас все время были. Мы постоянно обсуждаем. Я думаю, что действительно лет шесть-семь. Если этот аспект или это определение взять за основу, то почему, скажем, социальные стандарты – это первоначально по своей идее некие объективные характеристики. Скажем, определенное количество килокалорий, сколько килограммов мяса, сколько метров на человека и т.д. Почему тогда социальные стандарты в разных странах разные?

Отсюда возникает ряд простых вещей и простых следствий. Очень просто потому, что, скажем, в меру богатства, в меру понимания страны и т.д. И становится ясным, что все эти социальные стандарты, как и определение уровня бедности, представляют собой некие ценностные суждения, не объективно существующие какие-то закономерности, а ценностные суждения. Тогда и возникает ситуация. Исходя из одних ценностных суждений, определяется и граница неравенства.

Нам кажется, что было бы нормально (это, естественно, дискуссионная вещь) определять нормальный уровень неравенства. Я использую ту терминологию, которую использовали А.Ю. Шевяков и А.Я. Кирута, определять вот эту границу сразу же на основе неких ценностных суждений. А дальше тогда возникает известная схема,

которая могла бы быть такой. Скажем, запускается обычный рыночный механизм. Он приводит к некому равновесию. Равновесие определяет стандартное неравенство. И если общество считает, что оно нехорошее, то оно устанавливает другое неравенство. Вот это и есть то самое ценностное суждение и включая все механизмы.

Отсюда вытекает второй сюжет: как определять потребность общества в изменении уровня неравенства. Вот поэтому присутствует сюжет, связанный с социальным иммунитетом. Я достаточно подробно его описал. Не будут повторять. Но это попытка описания публичной политики, неких демократических механизмов, которые позволяют на каждом историческом этапе выяснять этот уровень неравенства.

И последний третий сюжет направлен на то, что если мы знаем, что у нас такое неравенство, мы хотим такое неравенство, как это обеспечивать? Стандартные традиционные механизмы мы не рассматриваем, хотя они были бы, безусловно, интересны. Это связано с изменением налоговой политики и всего другого. Нас заинтересовали первичное распределение, т.е. переоценка самого фактора труда. Мы обращаем внимание на фактор творческого труда, потому что сегодня эта проблема серьезная. Опять-таки ссылаясь на Алексея Юрьевича, который поднял этот вопрос, проблема довела до совершенно диких ситуаций, когда дворник получает заработную плату больше, чем профессор и проч. Переоценка фактора труда - это некий способ сокращения неравенства.

Здесь в качестве новой идеи, которая предлагается, - это попытка использовать следствие из известной теоремы Модильяни-Миллера и отсюда оценка фактора труда по так называемым лучшим условиям. Вот, собственно, все, что я сказал. Это дано в докладе более подробно.

Медведев В.А. На прошлом семинаре высказывалось и такое пожелание начинать дискуссию с кратких «телеграфных» вопросов и столь же кратких телеграфных ответов – только для лучшего понимания и уточнения позиции доклада. Если есть такая потребность, давайте это сделаем сегодня в течение 15-20 минут.

Сорокин Д.Е. Вы показываете, что не очень прослеживается связь между неравенством и демократией. А вот не прослеживается ли связь, что в тоталитарных режимах больше равенства в доходах? Вы ведь пишете, что в президентских структурах равенства больше, чем в парламентских.

Гринберг Р.С. Это ведь спор о словах, что такое тоталитарный и авторитарный. В конце концов, мы пока знаем несколько тоталитарных режимов, как принято считать. Мне кажется, что если в бедной стране (я только такую пока закономерность вижу) устанавливается жесткий тоталитарный строй. Я имею виду, например, маоцзедунизм. Не вся китайская послевоенная история. Теория большого котла: чем беднее, тем, конечно, больше равенства. В то же время я знаю, что в фашистской Германии руководители рейха и другие – там же были ведь капиталисты. Когда спросили Гитлера, почему ты не хочешь социализировать, как большевики, средства производства, то он говорит, что это мне не надо. Я помню его один ответ в интервью. Он говорит, что я социализирую человека. У меня будут там и крестьяне, и капиталисты. Все будут работать для великой цели. Я писал несколько курсовых по экономике фашистской Германии. Но уровень неравенства был чудовищным.

Есть зависимость. При бедности – да. При бедной стране – да. А когда она уже такая более или менее развитая, но здесь, понимаете, зыбкая почва. После чего начинать?

Горшков М.К. Извините меня за этот вопрос, но мне просто любопытно, уважаемые коллеги, поскольку я первый раз встречаю материал по социальной проблематике, где цитируется только один российский автор, а именно Шевяков А.Ю. При этом очень много ссылок на зарубежные источники – зачастую, очень интересные, но вместе с тем и противоречивые, парадоксальные. Возникает вопрос: это имеет место быть, потому что у нас нет работ по проблеме социально-экономического неравенства, или это продуманная авторская концепция, опирающаяся на зарубежные источники?

Рубинштейн А.Я. Речь идет о следующих сюжетах после страновых сравнений? Отвечаю.

Соответствующей литературы, которая освещала бы эти проблемы (может быть, по неравенству есть еще и Заславская, и Римащевский, и Шаталин; немножко в другой стороне, поэтому не затрагивал), по всем остальным нет просто. Был бы рад увидеть.

Гринберг Р.С. Дело в том, что мы старались остаться в рамках такой классической традиции. У нас просто не принято было заниматься этим делом, вообще-то говоря. Скажем, определить место государства в смешанной экономике. Говорилось о том, что рынок – да, потом уже государство. Не было, скажем так, научной базы. Мы просто не нашли такую. Нам самим пришлось изучать это с нуля практически. Я всю жизнь занимался историей экономических учений, но все равно это было такое новое дело. Если ты найдешь каких-нибудь авторов, которые в этом плане развивали эту теорию, то тогда мы только будем рады.

Шевяков А.Ю. У меня к авторам такой вопрос. Как-то и не только сегодня проступает такое как бы априори уже доказанного утверждения, что демократия – это вообще самый лучший способ

правления на земле. Его надо прививать и к нему нужно стремиться. И когда будет достигнута демократия, все будут счастливы.

Гринберг Р.С. У кого просматривается?

Шевяков А.Ю. Я так понял. Я правильно это понял?

Гринберг Р.С. Наоборот. Я хочу сказать, что либерально-демократическая традиция везде. Она сводится к простому тезису. И, кстати говоря, если мы вернемся к временам перестройки, - это очень важный момент.

Многие говорят: почему по китайскому пути не пошли? У меня ответ простой. Потому что мы были сыты. Проблема заключалась в том, чтобы была демократия. Всем надоел этот строй, но подспудно проводилась эта идея, о которой ты говоришь, что колбаса вырастает из свободы. Сейчас демократические силы доказывают это – демократические, на мой взгляд, которые себя называли сами. Колбаса вырастает из свободы. Выясняется, что это не так или не совсем так. Это темная история. И это я пытался написать.

Красин Ю.А. У меня один вопрос, который касается понимания позиций авторов в оценке творческого труда. Используете ли вы и признаете ли понятие «всеобщий труд»? Если признаете, то почему оно не введено в оборот в докладе? Или вы считаете, что это понятие не имеет отношение к делу?

Рубинштейн А.Я. Честно говоря, не до конца понял, а что вы имеете в виду применительно к этой проблеме?

Красин Ю.А. Всеобщий труд.

Рубинштейн А.Я. Всеобщий труд – это когда все трудятся. Это я понимаю. К этой проблеме? Что это? О чем идет речь?

Красин Ю.А. Известно марксистское положение о том, что труд бывает либо непосредственным (это прежде всего физический труд, который очень легко измерить стоимостными категориями и

который на рынке измеряется), либо всеобщим. Это понятие обосновано Марксом в «Экономических рукописях 1857-1859 годов», подготовительных материалах к «Капиталу». Там показано, что развитие идет в направлении роста удельного веса всеобщего труда. В сущности, всеобщий труд совпадает с наукой и его трудно индивидуализировать. Поэтому оценить его стоимостными категориями очень трудно.

Как я понял уже из вашего вопроса, вы просто это понятие не даете.

Перегудов С.П. Центральная часть вашего доклада – это механизм выявления общественных интересов, механизм социального иммунитета и т.д. Создается ощущение, что этот механизм в условиях демократии работает, скажем, нормально. И в то же время на странице четвертой говорится: и в остальном мире развивается тенденция к увеличению неравенства. Как это соотносится одно с другим?

Гринберг Р.С. Мне кажется, что здесь нет противоречия между развитием неравенства по всему миру, которое мы видим, и предпочтительностью демократической системы, в рамках которой социальные иммунитет, с нашей точки зрения, работает лучше, чем при монархической, условно говоря.

То, что мы везде наблюдаем в связи с процессом глобализации неравенство и внутри стран, и между странами, это тенденция, которая, на мой взгляд, абсолютно ненормальная, и мы видим сопротивление этим процессам. Например, резкое «полевение» всей Южной Америки говорит о том, что общество восстает против ненормального неравенства. И везде так. Значит, это будет либо насильственная революция, либо ползучая революция без крови, что предпочтительнее. Я так думаю, что это хорошо, когда в рамках демократического

процесса. А социальный иммунитет в нашем представлении всегда лучше, когда его обсуждают 500 человек, чем один. Если грубо, то так.

Выступления и реплики

Сорокин Д.Е. Я сразу хочу сказать, что не буду совершенно трогать проблему связи этого материала с основным текстом доклада. Там есть и прямая связь, и опосредованная связь. Я сейчас буду говорить только о материале как о самоценности.

Мне этот материал в целом понравился. Он сделан на высоком уровне – тут вопросов нет. Поэтому у меня не столько замечания, сколько пожелания авторам.

1. Мне показалось, что в интереснейших рассуждениях о государстве, обществе, социальном иммунитете и т.д. существует некая оторванность оттого, что государство, его устройство эволюционируют, и на разных ступенях эволюции все категории, о которых вы пишете, выглядят по-разному. В тексте же они существуют всегда в неизменном виде, вне времени и пространства. Абстрактное государство, абстрактное общество. И сто лет назад так было, и сейчас, и через 200 лет они будут. Мне кажется, они все-таки очень серьезно изменяются, в том числе под воздействием (я употребляю классическую марксистскую формулировку, естественно, в расширительной ее трактовке) развития производительных сил. Потому что процессы глобальной сети по-иному многие вещи ставят и для тоталитарных режимов, потому что сеть может быть орудием самого мощного тоталитаризма, но и наоборот, кстати говоря. И под влиянием процессов глобализации мира. При этом, если глобализация в условиях однополюсного мира, – это будут одни государства. Многополюсного – будут другие государства и т.д.

В этой же связи я хочу сказать, что мы, конечно, очень хорошо приводим все эти рассуждения о том, как решаются проблемы неравенства в т.н. богатых странах, в странах «золотого миллиарда». У

них там меньше разрыв, у нас там больше между богатыми и бедными. Но, простите, все-таки есть факты. «Золотой миллиард» обеспечивает свое богатство за счет неэквивалентного обмена с остальным миром, присваивая себе интеллектуальную ренту, природную ренту и т.д.

В конце концов, это признается в докладах ООН, где показывается, что за последние и 100, и 50 лет разрыв между богатыми и бедными странами увеличивается, т.е. происходит воспроизводство того, что Маркс называл законом относительного обнищания. Да, бедные поднимаются, но разрыв-то увеличивается. И в какой-то степени население стран «золотого миллиарда» выполняет роль как бы коллективного капиталиста, присваивающего коллективный прибавочный продукт в глобальном мире.

2. Я хотел бы отметить - это связано с заключительной частью доклада – выделение авторами проблемы снижения бедности, снижения недооценки интеллектуального труда. Я полностью сторонник того, что представители интеллектуальных профессий – это движущая сила любого общества.

Тем не менее, мне кажется, в нашем докладе мы должны затронуть не только проблему оценки интеллектуального труда. В конце концов, всегда будет стоять вопрос, сформулированный Л.И. Абалкиным: кто будет выращивать кофе? Т.е. в обозримом будущем массовыми останутся профессии неинтеллектуального труда.

Я полностью поддерживаю межстрановой подход. Он особенно сейчас важен, а то мы заикнулись на проблемах России. Межстрановой подход надо обязательно включить, показать, как в других странах, которые проходят через те же явления, что и у нас трансформируются от одного общества к другому. Это обязательно надо.

Я бы еще хотел, что можно было бы показать опыт преодоления неравенства не только за счет эксплуатации третьего мира, но преодоление неравенства за счет внутренних ресурсов в развитых странах. Маркс в свое время писал о тенденциях абсолютного относительного обнищания. Не из головы их придумали, эти тенденции были. Их сумели преодолеть, сумели создать соответствующие механизмы. В нашем докладе надо показать, как может быть решен этот вопрос.

Но, с другой стороны, возникла такая мысль: а может быть, преодоление избыточного неравенства возможно лишь на определенной стадии развития общества. Так же как на определенной стадии эволюции общества – смертная казнь, через сжигание на костре – было абсолютно нормальным явлением. И пытки – были абсолютно нормальным явлением. А потом общество постепенно цивилизуется. Так может быть и в отношении неравенства то же самое. Мы же признаем, что мы отстали от Европы, у нас просто цивилизация позже сложилась. Поэтому у нас и есть избыточное неравенство.

Еще один момент. Он касается не только этих авторов. Коллеги, давайте договоримся: если мы ссылаемся на цифры, то называем источник: Росстат. А если наши данные расходятся с Росстатом, то обоснуем нашу правоту. В данном случае цифры по коэффициентам Джини и фондов у вас не совпадают с официальными данными. Кстати, за 2004 год уже есть госстатистика. И уровень бедности не 40 % как вы пишете а 17,8 %.

И последнее. Я еще раз хочу сказать, что очень интересный текст. Этот текст создает очень хорошую методологическую базу, но конечный текст рассчитан на профессионала, работающего в этой области. Конечный текст доклада, на мой взгляд, должен быть рассчитан на широкие круги читателей. Спасибо.

Перегудов С.П. Я хотел бы остановиться на двух вопросах. Я согласен с тем, что доклад, действительно, ставит очень интересные вопросы. Мне наиболее интересными показались вопросы, связанные с темой государства и публичной политики, во-первых, и с темой механизма выявления общественных интересов – во-вторых.

И тот, и другой сюжеты, с моей точки зрения, требуют определенного комментария, потому что, как правильно сказал Д.Е. Сорокин, текст иногда производит ощущение чересчур абстрактного.

Возьмем тему публичной политики. Я считаю, что она у нас на семинаре где-то за кадром все время. Мы на нее почти не выходим. Мне пришлось недавно писать рецензию на известную книгу «Публичная политика в России» по проекту Горбачев-Фонда, и я особенно остро ощутил, что по вопросам публичной политики еще очень многое недоговоренного, очень много спорного.

Мне кажется, что, когда мы выходим на проблему неравенства, нам нужно и проблему публичной политики тоже как-то встроить в эту проблему и углубить наше понимание ее с тем, чтобы какие-то чересчур общие или чересчур недоговоренные сюжеты более или менее основательно прояснить, чтобы пойти, хотя бы на шаг, дальше.

В этой связи, полагаю, нам особое внимание стоит обратить на субъекты публичной политики. Мы все знаем, что один из этих субъектов – государство, но какой это субъект? Мы должны в этом разобраться, потому что от того, как государство функционирует как субъект публичной политики, зависят очень многие вещи, которыми мы занимаемся.

С моей точки зрения, наше российское государство – это субъект квазипубличной политики, потому что действительной публичной политики оно не генерирует. Возьмите пресловутую историю с

монетизацией. Или другой пример. Сейчас в Москве намечается приватизация жилкомхоза, приватизация всех этих ЖЭКов, ДЕЗов и т.п. структур с тем, чтобы это были коммерческие структуры, которые будут обслуживать население по стандартам рынка. Но что из этого получится? У меня такое ощущение, что как только они будут приватизированы и как только их владельцы и управляющие получат возможность накручивать тарифы, они начнут это делать. И к чему это приведет? Может быть, Лужков готовит «бомбу замедленного действия» для своего преемника? Вот такое ощущение, и все потому, что реформа жилкомхоза проводится сверху, без консультаций с гражданским обществом.

Полноценная публичная политика характеризуется тесным взаимодействием гражданского общества и государства, ибо это не просто исходящая от государства политика, нацеленная пусть даже на самые лучшие, благие цели. Такое взаимодействие – это главное, что отличает публичную политику от квазипубличной. Поэтому, когда мы рассматриваем различные аспекты неравенства, нам нужно эти вопросы как-то ставить в центр нашего внимания с тем, чтобы посмотреть, как взаимодействует государство с различными субъектами публичной политики, прежде всего с гражданским обществом, с бизнесом и т.д. и т.д.

Это, с моей точки зрения, очень важный вопрос, но в докладе, к сожалению, он поставлен, но практически не развернут. Его желательно развернуть и показать, что публичная политика – это не просто понятие само по себе, которое олицетворяет государство и его политику, а нечто более сложное. Важно показать, как и в каких формах она реализуется и каков механизм этой реализации.

В этой связи хочу коснуться темы механизмов выявления общественных интересов. С моей точки зрения, он тоже выглядит в

докладе чересчур абстрактно. Наверное, это так и задумано, поскольку доклад носит теоретический характер и степень абстракции в нем очень высока. Но где-то она, возможно, чересчур высока.

У авторов получается так: в обществе генерируются гормоны, которые накапливаются, а затем отдельные люди, отдельные группы людей улавливают эти гормоны и их артикулируют. Затем они убеждают в этом остальное общество, а государство вынуждено это все воспринимать и таким образом осуществлять ту самую политику в интересах общества, которая будет эффективна и с экономической, и с социальной точки зрения.

С моей точки зрения, в жизни так не бывает. Пассионарные меньшинства, о которых вы пишете, – это же не только меньшинства, которые генерируют оптимальный общественный интерес. Мы знаем, что существуют пассионарные меньшинства, которые генерируют совсем другой интерес и которые «овладевают» массами и проникают в государственные структуры. И государство начинает проводить ту политику, которая генерирует эти пассионарные меньшинства.

Два примера. Прежде чем Тэтчер пришла к власти, был так называемый Центр политических исследований, который базировался на идеях Фридмана и Хаека и который сформулировал основную стратегию тэтчеризма. Затем консервативная партия смогла эту стратегию довести до широких слоев общества, избирателей и затем уже прийти к власти и соответственно уже генерировать совсем другой общественный интерес. Неравенство стало возрастать, и я уже приводил соответствующие данные.

Или возьмем Россию. Тот же Центр стратегических разработок Грефа, разработавший такую идеологию и политику, которая даже усугубила курс, который проводился еще при Ельцине. В результате

- что мы имеем? Нет автоматизма выявления этого общественного интереса. Он выявляется в борьбе, и прежде всего в борьбе партийно-политической.

Опять пример по Великобритании. Когда тэтчеризм свое отработал, возник новый центр, который тоже сформулировал общественный интерес, основанный на реальных общественных потребностях. Этот центр называется – Институт исследования публичной политики. Я был там два раза перед приходом лейбористов к власти. Это настоящий мозговой трест.

Реплика. И этот институт решил, какая должна быть новая политика?

Перегудов С.П. Нет, не он один, у этого института был тоже свой гуру – Гидденс, и повторилась та же самая история, что и с Центром политологических исследований, только наоборот. К сожалению, в России такого альтернативного центра, способного сформулировать новые приоритеты и убедить в них общество, до сих пор не возникло.

Реплика. Может быть, эту миссию возьмет на себя Горбачев-Фонд?

Перегудов С.П. Я прошу прощения, но в одном из последних обсуждений в Фонде я как раз сказал, что хорошо бы создать на базе Горбачев-Фонда или еще кого-то центра (сколько сейчас таких центров!) такую структуру, которая бы собрала существующее уже пассионарное меньшинство и смогла бы добиться своего. Ведь главное, чего добиваются эти центры и чего добиваются эти пассионарные меньшинства, - они завоевывают гегемонию, идейно-политическую гегемонию в обществе. Вот о чем идет речь. И когда такая гегемония завоевана, тогда уже и государственная власть, если она формируется в процессе демократических выборов, ложится, можно сказать, к

ногам этого пассионарного меньшинства и оно и его сторонники становится уже носителем власти. Но в России этого, к сожалению, нет. Но проблема эта появилась и нам уже пора находить пути ее решения.

Я бы пожелал авторам, чтобы они немножко опустились на землю и прописали свое видение того, как можно в условиях России создать такую ситуацию, чтобы можно было двигаться по пути, который мы здесь пытаемся обозначить. Нынешняя квазипубличная политика не должна сохраняться бесконечно долго, ибо в ее рамках невозможно решение общественно-значимых проблем, и в том числе – проблем неравенства. Спасибо.

Медведев В.А. Bravo! Хорошо! Выступает О.В.Щедрина.

Щедрина О.В. Тема моего научного интереса в той или степени связана с аспектами социального неравенства. Сектор этнической социологии Института социологии РАН, в котором я работаю, в своих исследованиях затрагивает и проблему этнического неравенства. Под руководством Л.М. Дробижевой в 2002 г. был закончен проект «Социальное неравенство этнических групп и проблемы интеграции Российской Федерации (1999 - 2002)»³⁷, данные которого позволяют заключить, что в России представления об универсальном равенстве прав тесно связаны с ценностными понятиями, например, с такими, как уважение культуры разных народов («равное уважение к достоинству каждого народа»). Принцип «равного уважения к достоинству каждого народа» был назван респондентами как один из основных принципов общественного устройства российского государства.³⁸

Именно поэтому мне показался очень интересным и конструктивным отмечаемый авторами доклада момент этического определения обществом экономической составляющей социального неравенства. К сожалению, в этническом поле определение неравенства лишь в небольшой степени зависит от экономических показателей, в основном оно базируется на культурно-ценностных представлениях, распространенных в обществе. Именно эти представления лежат в основе формирования социальных барьеров, ограничивающих доступ индивида к ресурсам общества и затрудняющих реализацию «равенства стартовых возможностей». Как показали исследования по проекту «Социальное неравенство этнических групп», наиболее остро в российском обществе воспринимается ограничение в доступе к властным ресурсам, выраженное в недопредставленности в ор-

³⁷ Данные проекта опубликованы в кн. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 2002.

³⁸ Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. С. 127.

ганах власти представителей тех или иных этнических групп. Важность именно этого аспекта неравенства в России, на мой взгляд, подчеркивается тем, что именно власть формирует те правила, по которым развивается и бизнес, и вся экономика. Другими словами, ущемленность в доступе к властному ресурсу почти всегда в России ведет к неравенству в других сферах общественной жизни.

В докладе широко используется сравнительный подход к анализу международной экономической теории и практики. Затрагивая международный опыт, мне хотелось бы отметить уже существующие варианты публичной политики, основанные на этико-моральных принципах, в первую очередь, на принципе справедливости и принципе добровольного самоограничения большинства. Речь идет о политике мультикультурализма, где государство выступает как гарант выявления, согласования и удовлетворения потребностей и интересов всех групп общества, способствуя таким образом снижению внеэкономического социального неравенства. Мне кажется, было бы интересным в той или иной мере отразить этот опыт в основном докладе.

Среди российских концепций справедливого устройства общества, мне хотелось бы отметить концепцию «хорошего» общества³⁹, разрабатываемую в Институте философии РАН В.Г. Федотовой. «Хорошее общество» в ее представлении – это общество, в котором основной объединяющей ценностью является справедливость.

В заключение я бы еще раз хотела подчеркнуть, что мне очень нравится подход авторов доклада к проблеме экономического неравенства, представляющий, на мой взгляд, методологическую основу для междисциплинарного изучения этого комплексного социального явления.

³⁹ См. Федотова В.Г. Хорошее общество. М., 2005.

Горшков М.К. Прежде всего хочу отметить, что представленный материал отвечает трем высоким научным критериям любой научной работы. На мой взгляд, это очень яркая идейная насыщенность доклада. В нем много интересных, актуальных и новых идей, которые требуют, безусловно, социологического осмысления. Далее это концептуальность выражения поставленных проблем. Ведь можно механически собрать некую сумму очень интересных положений и на этом, собственно, свою работу завершить.

Авторы идут гораздо дальше, поскольку свои концептуальные подходы пытаются выразить через понимание действительно ключевой проблемы: что такое неравенство вообще, и каково соотношение допустимого и недопустимого неравенства? Это, безусловно, очень сильная отличительная черта доклада, который в виде раздела украсит нашу коллективную монографию, но при некоторых доработках, о которых коллеги уже говорили; не буду повторяться.

Как социолог затрону отдельные вопросы, может быть, достаточно частные, но по отношению к поставленным проблемам, на мой взгляд, достаточно принципиальные. Дело в том, что доклад гораздо выиграл бы и стал бы еще сильнее, если бы оказался «погружен» в современную российскую социальную реальность. Недостаток этого «погружения» обедняет и, может быть, делает несколько абстрактным данный доклад. Необходимо было учесть особенность состояния российской социальной сферы. Мне думается, это не очень сложно, поскольку существуют обширные статистические и социологические данные.

И мой вопрос был задан с точки зрения как раз этого подхода, направленного на сопоставление теоретических положений доклада эмпирическими данными последнего времени. Это особенно важно, когда используется нормативный и ценностный подходы. Материа-

лов на сей счет сейчас в российской науке, в том числе в социологической и в социально-философской, очень много. Данное обстоятельство позволяет убедительно выявлять и то, что делает консенсусными интересы нашего общества и, наоборот, то, что их раскалывает.

Мне очень понравилась постановка авторами доклада вопроса о социальном неравенстве, которое они не отделяют от принципа социальной справедливости. Это действительно ключевой момент. Ставится вопрос о том, какое неравенство считать справедливым? А может быть, вначале следовало бы поставить вопрос: а какое равенство является справедливым? Мы в своей ментальности, как показывают массовые опросы, идем сначала от этого принципа: что же считать справедливым? Ответив на этот вопрос, гораздо легче, по крайней мере, в массовом сознании, ответить на другой вопрос: а что будет являться несправедливым? Например, основным жизненным кредо и главной справедливостью современной жизни большинство (почти 70 процентов) считает равенство жизненных шансов. Все опросы последних семи лет свидетельствуют об этом. Прежде всего, человек хочет ощущать, что у него, как и других, одинаковые стартовые условия в жизни.

Образно говоря, поместите меня на стадион «Лужники» – в Москве, в Питере – стадион им.Кирова, в Ростове-на-Дону, где играет ростовская футбольная команда. Поставьте меня на гаревую дорожку, дайте шипованные тапочки, как у профессиональных спортсменов, и дайте старт. Вот каким я приду - первым, пятым или десятым это уже зависит от меня. Но я вынужден буду признать легитимным результат этой пробежки, поскольку я и мои соседи бежали в одинаковых условиях, а то, что кто-то оказался лучшим, а кто-то худшим – это зависит от самого человека. Вот мы приходим к

этому общественному пониманию человека и, как неудивительно, Руслан Семенович, общество постепенно приходит именно к такому пониманию справедливости как равенства жизненных шансов.

Медведев В.А. А есть еще соревнования инвалидов. Там тоже, кто первым придет. Но согласитесь, соревнования между инвалидами и не инвалидами быть не может. Оно абсурдно.

Горшков М.К. А кто так ставит вопрос? Социологи так вопрос не ставят. Конечно, лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным. Так, что вопрос упирается в выравнивание шансов. Посмотрите, насколько сегодня разнятся шансы жителя мегаполиса и жителя провинции? Так в этом-то и вопрос заключается – какова роль государства по выравниванию шансов. Нужна ли политика выравнивания. Чуть ли не все накинулись на Единый государственный экзамен (ЕГЭ). Мне тоже в нем еще многое не нравится. Но это хоть одна из попыток каким-то образом выравнивать шансы мальчика или девочки, живущих в глубинке, и живущих в Москве. Хоть какая-то возможность при всей критике приехать учиться в Москву тем, кто живет далеко от столицы.

Далее. В докладе, на мой взгляд, очень интересная часть о стандартных причинах неравенства. Действительно, тут надо разобраться, что здесь спонтанное, что привнесенное с «попутным ветром», а что здесь исконно малоизменчивое. Есть ли оно? Если есть, то как к этому относиться? Закрывать глаза и сказать, что здесь бесполезно что-то менять. Давайте признаем это и все! Или все же и в столь фундаментальные основы неравенства нужно вмешиваться государству на уровне публичной политики.

В представленном докладе в основном все сводится к качествам людям – врожденным, природным, социально приобретенным, социализированным. Действительно, это так. Но опять-таки, а что

доминирует в социальной российской среде? Как здесь не сопоставить то, что вы берете из зарубежных источников с тем, что сегодня существует? Какие качества людей помогли им выжить за годы реформ? За счет чего сегодня до 40 процентов граждан чувствуют себя достаточно уверенно, а 60 – с опаской за будущее?

По нашим результатам, несколько качеств позволили определенному слою людей остаться достаточно обеспеченным слоем российского общества. Главное из них - высокий адаптационный ресурс, что называется опора на собственные силы. До 40 процентов сегодня признаются в том, что они рассчитывают на себя. А на государство не собираются рассчитывать в дальнейших своих жизненных стратегиях. К этому следует добавить квалификационный ресурс и качественное образование, в том числе дополнительное. Кроме того, это активная жизненная позиция или, если говорить языком современной социологии, то, что называется достижительной мотивацией.

Реплика: Какой кошмар...

Горшков М.К. Карьерное устремление – это кошмар? Я же не называю термин «социальный иммунитет», используемый в докладе, кошмаром, хотя здесь есть некая смесь социологии и медицины. Достижительная мотивация – мотивация, направленная на получение определенного результата. Можно, конечно, улыбаться, а между прочим, в молодежной среде носителем достижительных мотиваций является почти каждый второй. Причем у каждого третьего молодого человека эти мотивации носят этически разрушительный характер. Молодой человек или девушка признается в том, что готовы идти к достижению цели, используя любые средства, пренебрегая любыми правовыми и моральными нормами. Вот вам и ценностное основание для выстраивания политики равенства и неравенства.

Так, что нельзя опираться только на нормативно-ценностные суждения.

Хотя критикуют А.Ю. Шевякова пару раз легко, по-дружески, но в принципе я с ним согласен.

Конечно, нормальное неравенство недостаточно сводить к статистической категории, но и противопоставлять эту категорию только как социальную, а не выраженную в каких-то показателях, тоже, на мой взгляд, неправильно. Поэтому у А.Ю. Шевякова речь идет о некоем динамическом подходе, о соединении социального качественного и количественного в едином понятии, синтетической категории. Я его так понял.

Более того, без учета единства статистического и социального трудно найти консенсусные модели выхода из глубокого социального неравенства. В этом смысле значение социологической науки трудно переоценить. Я ни в коей мере не преувеличиваю возможности социологии, но без нее сегодня анализ проблематики неравенства невозможен. И то, что сегодня происходит на наших глазах, когда яркие, специалисты, которых раньше называли прагматиками-экономистами, становятся социальными экономистами, это чрезвычайно важный симптом. Потому что сегодня выйти на широкий международный круг осознания социально-экономических явлений невозможно. Социология в этом смысле помогает, как наука комплексная по своей природе.

Последнее замечание. Не буду специально говорить о термине социальный иммунитет, одна только фраза. На мой взгляд, мы иногда спешим с введением терминов, которые нам «подбрасывают», как говорил основоположник перестройки, а мы с легкостью их заимствуем.

Последняя мода - слияние в общественных терминах социологического и медицинского. Взять, к примеру, «социальный шок», концепцию «социальной травмы». По сути, о чем идет речь? Александр Яковлевич совершенно правильно пишет, что есть вещи, которые отторгаются, не принимаются общественным организмом. Это в каждой стране, в каждом обществе есть. Но то, что не позволяет их принять выражается в понятиях ментальности, идентичности. Зачем же, огород-то городить и придумывать лишние понятия? Вот есть некая ментальность отношения россиян к природным ресурсам, и вы ничего не поделаете. Потому что 90 процентов населения не воспринимает их передачу в частные руки; их хозяином воспринимается только государство. Другой вопрос: как к этому относиться? Но социальный факт налицо.

Поэтому вопрос о механизме выявления общественных интересов был очень правильно поставлен в дополнение к тому, что написано в докладе. Мне кажется, пора вернуться к одной очень известной категории. Еще лет 25 тому назад, в одной из монографий, Ю.А. Красин дал всесторонний анализ понятия народного большинства. На мой взгляд, это и есть, так сказать, сквозная категория, через которую следует анализировать общественные интересы, которые имеет надындивидуальный, надгрупповой характер и которые, в конечном счете, выражаются в позиции народного большинства. Так что и здесь тоже придумывать ничего не нужно.

Пришло время понять, что за народное большинство живет сегодня в современной России. Какое оно по своему социальному статусу, уровню квалификации, образования? Где проходит грань равенства и неравенства в народном большинстве? Мы выделяем богатых, бедных и описываем – средний класс. Но есть категория

большинства. Что же оно представляет собой в социально-структурном плане? За кем большинство пойдет завтра?

В целом же, доклад дает очень много пищи для размышления. Я считаю это очень важным, когда он не оставляет тебя равнодушным. Поэтому в заключение хотел бы поблагодарить авторов за хорошую работу.

Медведев В.А. Пожалуйста, Александр Яковлевич Кирута.

Кирута А.Я. Вопреки обыкновению, я заранее написал на обсуждаемый доклад эту филоппику на десять с половиной страниц. Все доклад похвалили, а я в данном случае выступаю как «белая ворона», поскольку принципиально не согласен с подходом авторов и с теоретическими положениями, высказанными в докладе. Я считаю, что основной материал доклада представляет собой беспочвенную схоластику. Разумеется, в кратком выступлении я не смогу изложить все, что я предварительно написал, поэтому изложу мой текст с существенными сокращениями.

Первое возражение состоит в том, что доклад насквозь пронизан рыночным редукционизмом, в контексте которого проблемы неравенства утрачивают свое содержание.

Почему теория конкурентного равновесия и основанная на ней теория благосостояния не могут быть использованы как инструменты для серьезного исследования неравенства? Я не отрицаю возможности извлечь из этих теорий отдельные наводящие соображения, я сам это делал. Я говорю о невозможности построения систематического исследования неравенства на основе теории конкурентного равновесия.

Ответ очень простой. Дело в том, что неравенство имеет социальное значение и влияет на поведение людей постольку, поскольку люди и группы людей сравнивают свое социально-экономическое положение с положением других людей и групп. В результате таких сравнений они испытывают удовлетворение или напряженность и недовольство, или социальную депривацию и фрустрацию.

Влияние неравенства на общество выражается в мотивации экономического и социального поведения и в действиях, порожаемых тем восприятием социальной ситуации, которое возникает при сравнениях.

В модели конкурентного равновесия ничего подобного нет в принципе. В этой модели общество *атомарно*, поскольку каждый агент воспринимает *только свои личные параметры* издержек и потребления при своих бюджетных ограничениях. То есть в этой теоретической схеме все агенты в принципе *абсолютно нейтральны* по отношению к любым проявлениям неравенства.

В модели конкурентного равновесия какое-либо *социальное* предпочтение просто отсутствует. Именно поэтому авторы *вынуждены* вводить социальное предпочтение экзогенно, вменяя это предпочтение государству. В докладе, как и в предыдущих работах Р.С. Гринберга и А.Я. Рубинштейна, для оправдания такого подхода используется понятие *несводимости* социального предпочтения к совокупности индивидуальных предпочтений. Это понятие вводится как искусственный «довесок» к модели рынка, необходимый для того, чтобы обозначить роль государства, а механизм формирования социального предпочтения, единственным носителем которого оказывается государство, никак не объясняется.

Разумеется, есть теории, где предпочтения агентов зависят от всего состояния экономики. Однако они сталкиваются с массой трудностей. В этом случае основные выводы теории конкурентного равновесия и благосостояния утрачивают свою силу. В начале 80-х годов В.Л. Макаров и В.А. Васильев предприняли попытку распространить рыночную теорию благосостояния на этот случай. Однако оказалось, что в общем случае для формулировки теорем о благосостоянии необходимо сделать цены индивидуальными (т.е. ввести ценовую дискриминацию), а также ввести множество взаимных трансфертов между агентами в соответствие с множественными «информационными» взаимными оценками. Иными словами, хотя

формальную теорию построить можно, в общем случае *неоклассическая рыночная парадигма полностью разваливается*.

Буквально два слова о роли математических теорем в политико-экономических исследованиях. Хороший пример – теорема Эрроу о невозможности демократического выбора решений, обобщающая парадокс Кондорсе о противоречивости выбора по правилу большинства. Парадокс Эрроу приводит к вопросу: почему же на самом деле демократии успешно и эффективно функционируют? Частный ответ состоит в том, что в достаточно однородном обществе такой парадокс не возникает. Однако это ставит возможность демократии в зависимость от степени однородности индивидуальных предпочтений. Общий ответ, на мой взгляд, состоит в том, что демократическое принятие решений не описывается той выхолощенной формальной схемой, в рамках которой справедлив парадокс Эрроу. В демократическом обществе существует сложная система институтов, которая позволяет преодолевать противоречия, описываемые в этом знаменитом парадоксе.

Я привел этот пример к тому, что, на мой взгляд, неоклассическая теория, на которую опирается обсуждаемый доклад, несмотря на всю ее влияние, имеет в своей основе столь же выхолощенную формальную схему.

Теперь о теоретической второй части доклада. Авторы говорят о невидимой руке, об энергетике невидимой руки и фактически предлагают ввести нечто аналогичное на уровне социальных предпочтений, которые в их подходе являются «несводимыми». Здесь надо подробно разбирать утверждения авторов. Я не буду вдаваться в детали, напомним только, в неоклассической модели рынка нет места для социального предпочтения, а «несводимость» попросту означает предположение, что социальное предпочтение, носителем и вырази-

телем которого является государство, не может быть выведено из совокупности индивидуальных предпочтений его граждан.

Здесь авторы впадают в противоречие. С одной стороны, они выражают согласие с Бьюкененом, который говорит, что не бывает общественного интереса, который не сводился бы к предпочтениям каких-то людей. С другой стороны, в выбранном подходе авторы не могут отказаться от своей пресловутой несводимости, поскольку иначе они «потеряют» государство. И тогда в докладе говорится, что эта несводимость возникает не априори, а апостериори, т.е. делается своеобразная уступка. Это означает всего-навсего утверждение, что люди не способны ничего предвидеть, что люди не способны рационально организовывать свое будущее поведение и могут только постфактум выражать какие-то мнения по поводу того, что произошло, т.е., грубо говоря, «махать кулаками после драки». Это «махание кулаками» представляется как некая *социальная невидимая рука* – прямой аналог невидимой руки рынка. И действие этой невидимой социальной руки авторы называют механизмом социального иммунитета.

Это говорится тогда, когда предприниматели и банкиры (но не экономисты) пишут книги под названием «*Видимая рука рынка*». Я хочу сказать, что взгляд работающих предпринимателей на рынок и рыночные отношения, на институциональные отношения принципиально отличается от того, что описывается в неоклассическом мейн-стриме. Я здесь пропустил один важный момент того, что я хотел сказать.

Я хотел сказать, что бизнес успешно *вытесняет* рыночный механизм цен, замещая его нерыночными организационными структурами и институтами, во всех случаях, когда бизнесу это выгодно. И он делает это гораздо лучше, чем бюрократия. То есть в отличие

от бюрократии бизнес успешно пользуется институциональной психологической мотивацией построения организационных структур и мотивацией труда. Это бюрократы воображают, что они могут все измерить и бюджетировать по результатам, а предприниматели понимают, что это вздор.

Рыночные *свободы* необходимы для процветания бизнеса, но в рамках этих свобод он умеет выбирать действия, которые не описываются неоклассическими механизмами. Теория фирм и эволюционная экономика вовсе не случайно стоят особняком от неоклассического мейнстрима - основного источника рыночной идеологии. Внутри фирм и корпораций действуют не рыночные, а институциональные отношения.

На самом деле, представления авторов о «механизме социального иммунитета» весьма банальны: люди каким-то образом формируют и выражают свои социальные требования, а государство – этатский рыночный Левиафан – каким-то образом эти требования суммирует, после чего, авторитетные лица принимают решения. Далее говорится: поскольку «далеко не все способны воспринять общественную потребность», реализация общественного интереса (разделяемого большинством) «всегда основана на власти принуждения» (по отношению к тем, кто его не разделяет – с.18).

Картинка, которая вырисовывается, будет похуже «Утопии» Томаса Мора. Иммунитет – это механизм гомеостазиса в агрессивной среде. Он, в принципе, никогда не создает ничего нового. Хуже того, иммунитет направлен на уничтожение всего «чуждого» и, если социальный иммунитет будет направлен против создания чего-то нового внутри общества, он породит тяжкую аутоиммунную болезнь! Институты государственного иммунитета в современной России – это Минюст, Прокуратура, ФСБ, ОМОН, Спецназ, Федераль-

ная служба финансового мониторинга, ФАПСИ, Налоговая полиция и все такое. Интересно, какие институты в России могли бы стать выразителями социального иммунитета: Госдума, Совет Федерации, Общественная палата, политические партии?

Не бывает такого, чтобы от одиночек помимо институциональных и организационных структур какая-то информация переходила на верхний уровень государства, и на основе этого принимали решения государственные авторитеты. Так в принципе никогда не бывает. Говорить о социальном иммунитете, ничего не сказав о том, в каких общественных институтах он может быть воплощен, это просто пустой звук.

Поразительно, но о налогах в докладе упоминается только мимоходом. Во второй части доклада говорится: «Социальный иммунитет выявляет несводимые общественные интересы и формирует цели государства, власть принуждения обеспечивает ему необходимые доходы и выполнение установленных общих правил» (с.16). В современной теории политико-экономического равновесия (Перотти, Табеллини и др.) налоги устанавливаются по результатам голосования, на основе некоторого демократического консенсуса. Однако теоремы о благосостоянии в модели Эрроу-Дебрё совместимы только с двумя видами налогов: это налоги на прибыли фирм и фиксированные (независимые от дохода) налоги на физических лиц (или дотации). Все остальные виды налогов, широко применяемые в экономической практике во всех странах мира, будучи введены в такую модель, неизбежно повлекут за собой неэффективность состояния равновесия. Не потому ли авторы обходят тему о налогах, что налоговая практика несовместима с теорией конкурентного равновесия и с теоремами о благосостоянии? Эта несовместность - ещё один аргумент в пользу того, что эти теории не адекватны. Либеральный рыночный редукционизм охотно ссылается

на результаты, которые говорят в его пользу, но всегда умалчивает о результатах, которые ему противоречат. Наши взгляды на роль государства были сформулированы в докладе А.Ю. Шевякова, и я не буду их повторять.

Я не буду дальше критиковать, но очень важен принципиальный момент, о котором надо сказать. Это то, что касается нормального и избыточного неравенства, и то, что сказано о нем в докладе Р.С.Гринберга и А.Я. Рубинштейна.

Что такое ценности и ценностные суждения? Ценности – это императивы, которые ограничивают субъективную мотивацию, заставляя индивидов, группы людей или общество действовать в интересах долговременного выживания и процветания человеческого рода, нации или государства или еще чего-то. Ценности вырабатываются и институционализируются в историческом процессе проб и ошибок. Ценностные суждения – это утверждение о том, что способствуют или, напротив, противоречит этим долговременным интересам.

Этическая оценка соотношения между экономической эффективностью и справедливостью (будь то по Самуэльсону или кому угодно другому) – это фикция неоклассической теории. Эта теория устроена так, что любые вопросы о справедливости являются внешними по отношению к ее выводам, поскольку она никак не отражает того фундаментального обстоятельства, что несправедливость наносит ущерб долговременным интересам, тогда как справедливость способствует их реализации.

Моя позиция состоит в том, что в долговременном аспекте справедливость и эффективность совпадают. Это означает, что нарушение справедливости, даже если оно сопровождается видимым временным повышением эффективности, неизбежно повлечет за со-

бой снижение эффективности в дальнейшей перспективе. И такое снижение в дальнейшем может быть весьма драматическим. То есть за временное повышение эффективности ценой нарушения справедливости надо платить. Платить надо не за равенство, как утверждается в обсуждаемом докладе, платить *приходится* за нарушение справедливости. Эта расплата может откладываться, но, чем дольше она отсрочивается, тем больше в итоге придется заплатить.

Теперь дальше. Размер неравенства важен постольку, поскольку в рамках экономических балансов по социальным группам он предопределяет структуру неравенства. Бессмысленно говорить, что неравенство одного размера лучше или хуже неравенства другого размера, если не говорить о том, какими социально-экономическими свойствами обладает распределение благ, соответствующее тому или иному размеру.

Когда мы подходим к неравенству как к функциональной характеристике состояния общества, оказывается, что обычная оценка общего неравенства без подразделения на структурные компоненты, как мы это делаем, не отражает функциональных свойств. Подразделение на структурные компоненты – на нормальное и избыточное неравенство в нашем определении – эти свойства отражает.

Для того чтобы оценки неравенства что-то объясняли, должна быть выделена часть общего неравенства, отражающая действие продуктивных факторов, и часть, отражающая действие контрпродуктивных факторов. Именно это мы и делаем. То, что это удалось сделать с помощью границы бедности – определенная удача, и это служит подтверждением того, что мы идем по правильному пути.

Медведев В.А. Думаю, что все, что не успел досказать А.Я.Кирута, можно будет включить в стенограмму.

Шевяков А.Ю. Я хотел бы сказать прежде всего, что одна из основных ценностей доклада, заключается в том, что авторы действительно достаточно подробно, аргументировано и хорошо изложили свою точку зрения в общем по не часто обсуждаемому вопросу - экономическому неравенству, и стимулирует работу мысли в этом направлении.

Если говорить об экономическом неравенстве, то тут возникло некоторое непонимание нашего подхода со стороны авторов представленного доклада. Уже об этом говорилось частично в предыдущих выступлениях. И у меня пришла идея, что, может быть, этот вопрос поднять с точки зрения дискуссии на более широкий уровень.

Дело в том, что мы изначально, подходя к вопросам неравенства, не вносили в эти оценки никакие ценностные, моральные и другие суждения. Мы подходили, как измерители. Вот есть ситуация, есть сложившееся положение вещей, есть определенная статистика, есть определенный методологический прием.

Теперь об абсолютной и относительной оценке бедности. Получается, что наш подход - и это служит в некотором смысле оценкой его адекватности – инвариантен: берем мы абсолютную или относительную оценку бедности. Может быть, даже можно поставить вопрос и по-другому: а какая должна быть граница бедности с тем, чтобы неравенство и экономический рост были согласованы в определенном смысле оптимально.

Далее, я хотел бы сказать о двух существенных моментах, которые я не принимаю. Прежде всего то, что государство - это такой же игрок рынка. Он не такой же игрок и не может быть таким же игроком. Если говорить в спортивных терминах, то государство - не игрок на поле, а судья. И оно задает правила игры и решает страте-

гические задачи. Это и фундаментальная наука, и здоровье, и демографические процессы, и т.п.

Теперь о связи доходов и потребления. Обычно это связь полагается гладко монотонной. Я вспоминаю исследования, которые мы проводили уже лет 25 назад. Как связаны вообще доходы, потребительские интересы и трудовые мотивации? Мы выяснили, что на самом деле только 18 процентов занятого населения имеет какой-то стимул трудовой активности. Почему? Да потому что нет гладкой монотонной зависимости. Есть некоторые потребительские эталоны, и когда достигается этот эталон, то трудовая активность замирает.

И еще на одном моменте хотел бы остановиться. Мне очень понравилось и это очень хорошая идея - это неравенство внутри социального большинства. Коль скоро мы говорим о том, что функции государства - это так или иначе переваривать и представлять интересы социального большинства, то анализ положения и интересов этого большинства очень важен.

И, наконец, третье. Как-то совершенно выпали из рассмотрения и налоговая политика, и отношение к богатству. А налоги, так или иначе, инструмент перераспределения доходов и могут углублять или наоборот уменьшать неравенство. А толерантность общества к богатству напрямую связана с уровнем социальной напряженности.

Красин Ю.А. Я присоединяюсь к позитивной оценке доклада, которая, с моей точки зрения, обусловлена тем, что авторами высказан ряд положений, наталкивающих на полезные размышления. Должен, однако, сразу сказать, что некоторые из этих положений вызывают серьезные возражения. Прежде всего, это касается общей концепции всеобъемлющего рынка. Признаться, она меня несколько озадачила. С того момента, когда я познакомился с выступлениями и статьями Р.С. Гринберга и А.Я. Рубинштейна, мне весьма импонировали идеи мериторики в их трактовке. Они довольно убедительно показали, что в обществе существуют такие потребности и такие интересы, которые не могут быть удовлетворены рыночными механизмами, рассчитанными на получение прибыли. Поэтому удовлетворение этих потребностей, не воспринимаемых большинством граждан в качестве полезных и, следовательно, способных обрести товарную форму, должно брать на себя государство от лица всего общества. Эта, я бы сказал, «нерыночная» функция становится предметом публичной политики государства.

Теперь же из доклада для меня стало очевидным, что авторы не считают эту функцию «нерыночной». Государство у них – субъект рынка, и все социальные, политические и духовные ценности, включая равенство и справедливость, суть товары, покупаемые государством в интересах общества. Рынок не ограничивается как регулятор общественной жизни, а просто надстраивается неким более высоким рыночным этажом. По сути, в интерпретации авторов, рынок охватывает всю жизнедеятельность общества. Он всеобъемлющ и абсолютен. Предложенная концепция мне кажется искусственной и малоубедительной. Но прежде чем сказать об этом подробнее, остановлюсь на некоторых других вопросах.

Меня как координатора проекта беспокоит, что в докладе при всех его достоинствах не рассмотрены вопросы соотношения публичных и частных начал в социальной сфере. Именно эти вопросы составляют главное содержание того раздела проекта, которому посвящен или должен бы быть посвящен представленный доклад. В подготовительных материалах к итоговому аналитическому докладу образуется большая брешь. Какова роль публичных и частных начал применительно к реальностям российской действительности в сферах образования, здравоохранения, ЖКХ, пенсионного обеспечения и т.д.?

Медведев В.А. Речь идет не об отдельной разработке каждой из этих проблем, а об общем подходе к публичной политике в социальной сфере с точки зрения равенства-неравенства.

Красин Ю.А. Говоря об этой зияющей бреши, я апеллирую к авторам доклада. Если они эту брешь не закроют, то ее некому будет закрыть, и мы окажемся в трудном положении.

Теперь по вопросу, который обсуждался на предыдущем семинаре и вновь поставлен в докладе. Это вопрос о «нормальном» и «избыточном» неравенстве. Авторы спрашивают, где проходит допустимая граница неравенства? И затем категорично утверждают, что эта проблема не имеет решения. А дальше заявляют, что определение нормального неравенства «исключительно» нормативно. По этому поводу я вынужден повторить, что говорил при обсуждении доклада А.Ю. Шевякова. Нормативный подход к определению допустимого равенства, безусловно, имеет место. Сложившиеся в обществе нормы «допустимого» и «недопустимого» зависят от социокультурных особенностей, от уровня политической культуры. Но в то же время за этими нормативами стоят объективные показатели допустимых различий в доходах, выражаемых определенным коэф-

фициентом. Например, «нормальное» неравенство выражается коэффициентом фондов где-то на уровне 8.

Реплика. А почему не 7 или не 9?

Красин Ю.А. Потому что, когда коэффициент фондов превышает 8, появляются симптомы социальной дестабилизации, в обществе нарастают протестные настроения, назревают, как говорят социологи, «дисфункции» в социальной сфере и в экономике. Соответственно как общество, так и власть начинают понимать, что показатели неравенства «ненормальны». Конечно, коэффициент 8 не абсолютен, но объективен. Как я уже сказал, в зависимости от конкретных условий он может колебаться: скажем, может равняться 7 или 9. Но все же он объективно существует в каких-то границах. Специалисты полагают, что предельный коэффициент фондов для нормально функционирующего общества – это 10. Но когда в нынешнем российском обществе он доходит до 15, то это стимулирует дезинтеграционные процессы.

Гринберг Р.С. Сколько вы уже использовали определений – и все они носят ценностный характер.

Красин Ю.А. Не только ценностный: этот коэффициент характеризует реальное состояние различий в доходах и механизмы социального развития. Никуда от этого не денешься. Вот вы утверждаете, что отступления от нормативного неравенства устанавливаются путем сравнения фактического неравенства с этическими нормами. Извините, не все так просто. Апелляция к этическим нормам в спорах о неравенстве - чаще всего риторика. В политическую повестку дня этот вопрос встает тогда, когда фактическое неравенство сопоставляется с реальным обострением напряженности в обществе, с нарастанием социальных противоречий, вызванных не этическими

соображениями, а объективно существующим «избыточным» неравенством, побуждающим людей к протестным действиям.

Медведев В.А. А с другой стороны, нижняя граница неравенства определяется, наверное, экономической динамикой. Потому что при выравнивании исчезают стимулы к развитию, и общество останавливается.

Красин Ю.А. Теперь насчет «системы социального иммунитета». Я согласен с С.П. Перегудовым, что вне реального процесса формирования и взаимодействия многообразных жизненных интересов людей этот теоретический концепт выглядит очень абстрактно. Некая невидимая иммунная система общества без живых субъектов, без общественных институтов сигнализирует обществу о тех или иных несводимых к индивидуальным общим потребностях, которые не нашли выражения в государственной публичной политике. Вся эта конструкция, как мне кажется, несет на себе печать надуманности и даже с элементами мистики.

При этом остается неясным, как же под воздействием иммунной системы выявляются несводимые общественные потребности. С одной стороны, говорится, что эти потребности существуют только *апостериори* как результат реакции социума на поведение людей. С другой же стороны, утверждается, что отдельные люди «улавливают «гормон» особого интереса, вырабатываемый иммунной системой общества». Значит, этот особый интерес, по крайней мере, в виде «гормона» задан *априори*. И некие наиболее чуткие личности (назовем их гениями-одиночками) каким-то непонятным способом улавливают несводимые общественные потребности, а потом начинают убеждать других людей, пока, в конце концов, через дискурс и компромиссы общество не приходит к согласию.

Я думаю, что здесь всё наоборот. Есть очень простые, элементарные понятия, которые уже разработаны, хотя и недостаточно, конечно. Есть понятие публичной сферы. В ней артикулируются самые разнообразные частные и групповые интересы. В результате их сложного взаимодействия в публичной сфере вырабатываются представления о неких общих правилах поведения и формируются общие интересы данного сообщества, становящиеся предметом публичной политики государства.

Публичная сфера - это своего рода тигель, в котором из частных интересов путем их столкновения, сопоставления, взаимной притирки, сопряжения выплавляются общенациональные интересы. По определению Ю.Хабермаса, публичная сфера представляет собой ту арену, на которой разворачивается общественно-политический дискурс, соединяющий конкретное сообщество людей в нацию-государство. Из всего многообразия частных интересов происходит сублимация публичного интереса.

Можно критиковать теорию коммуникаций за известную узость, за редукцию механизма аккумуляции интересов к рациональному дискурсу. Скорее всего, этот механизм гораздо сложнее и охватывает всю общественную практику, включая не только рефлексию разума, но и реальные действия, в том числе иррациональные. Тем не менее, теория коммуникаций дает рамки достаточно убедительного объяснения механизма трансформации частных интересов в публичный интерес. Нет никакой нужды в конструировании усложненной и мистифицированной категории «иммунной системы». Что это дает? Все может быть объяснено деятельностью реальных общественных институтов: политических партий, объединений, ассоциаций гражданского общества, социальных движений.

Медведев В.А. Социологических служб.

Красин Ю.А. Конечно. Все эти институты реагируют на общественные потребности и выражают динамику социальных интересов. Они оказывают влияние на формирование публичной политики, Государство взаимодействует со всей этой системой институтов. Если оно по каким-то причинам глухо к общественным требованиям, то институты гражданского общества оказывают на него давление, вынуждая изменять и корректировать публичную политику или сталкиваться с нарастающей оппозицией.

Если авторы не удовлетворены изложенной системой представлений, то, разумеется, они вправе предложить альтернативу. Но недостаточно обозначить ее термином «иммунная система». Раскройте достаточно убедительно институциональный и процессуальный механизм этой системы. Иначе получается мистическое звучание. В одной из сносок авторы даже пишут о некоем «телеологическом механизме социального иммунитета». Выходит, что безличностный и безинституциональный механизм социального иммунитета наделен еще и способностью целеполагания. Кем наделен, и кто ставит цель? Эти утверждения вызывают большое недоумение.

Р.С. Гринберг сказал здесь, что Латинская Америка полевела под влиянием роста социального неравенства. Что же это произошло в результате деятельности прозорливых одиночек, которые узрели новые общественные потребности? Вовсе нет. Ухудшающиеся жизненные условия заставляют массы людей двигаться влево. На этой почве возникают массовые протестные движения. Думаю, сигналы о том, что публичная политика государства не удовлетворяет какие-то очень важные общественные потребности, исходят, прежде всего, не от одиночек, а именно от этих движений. Проницательные идеологи

и политические лидеры могут лишь раньше других уловить симптомы массовых протестов и выразить их программные требования.

Теперь вернусь к вопросу о расширительном толковании рынка. Может показаться парадоксом, но, по-моему, авторы больше рыночники, чем самые радикальные либералы. Вроде бы сегодня общепринято считать - даже среди радикальных либералов, - что некоторые сферы общественной жизни не умещаются в рамки рыночных измерений и рыночных стандартов. Авторы же стремятся втиснуть в рынок все общественные потребности. В этом стремлении просматривается труднообъяснимая заданность.

По ассоциации мне вспоминается давняя дискуссия 60-х годов прошлого века о составе рабочего класса. Статистические данные неопровержимо доказывали, что численность рабочего класса в промышленно развитых странах сокращается. Но эти данные противоречили официальной доктрине. Ведь рабочий класс – главная революционная сила, и вдруг его численность падает. Чтобы спасти доктрину стали включать в состав рабочего класса инженеров, учителей, врачей, и т.д. На бумаге численность ведущего класса резко возросла. Но, как вы помните, доктрину спасти не удалось, потому что все выкладки были искусственными и не могли объяснить происходящих социально-экономических процессов.

В конце концов, и движение планет солнечной системы можно описать в рамках геоцентрической концепции Птолемея. Такие попытки какое-то время предпринимались в противовес предложенным Коперником гелиоцентрическим представлениям. Но они были отвергнуты научной астрономией ввиду громоздкости искусственных конструкций, расходившихся с фактами и все более мешавших процессу познания движения планет.

Почему авторы хотят все потребности и все виды деятельности обязательно загнать в рынок? Государство предстает у них как покупатель общих благ, расплачиваясь за этот «товар» имеющимися у него ресурсами. Кстати, не вполне ясно, кто же в этом случае является продавцом. Эта доктринальная идея и сопутствующая ей аргументация выглядят очень странно на фоне, по сути дела, всеобщего признания существования таких потребностей и видов деятельности, которые выходят за пределы рыночных отношений. Это признают и самые последовательные либералы рыночники. На прошлом семинаре я ссылался на Роберта Даля. Еще более определенно о границах рыночных отношений в достижении общего блага говорят и пишут либералы коммунитаристы, в частности Бенжамин Барбер.

Мы сегодня наглядно видим, к каким печальным последствиям приводит политика коммерциализации культуры. Высокая культура вытесняется низкопробными стандартами массовой культуры. Современная практика и вслед за нею теоретическая мысль убедительно доказывают ограниченность рынка и стоимостных измерений применительно к творческим сферам духовного производства.

Вопреки этой мощной тенденции авторы хотят утвердить универсальность рыночных отношений. Они абсолютизируют рынок, прибегая к искусственным построениям, которые не дают ни приращения знаний, ни перспективных методологических идей.

Гораздо более убедительным мне представляется другой подход, который, исходя из ограниченности возможностей рынка в регулировании общественной жизнедеятельности, направлен на выявление динамики нерыночных регуляторов в ходе зарождения инновационного общества, базирующегося преимущественно на человеческом капитале.

Сошлюсь на вышедшую в 1992 году брошюру Л.И. Абалкина «Экономическая теория на пути к новой парадигме». Автор полагает, что происходящие в наше время глубокие экономико-технологические и социальные сдвиги «ставят под сомнение универсальность трудовой теории стоимости в объяснении общественных процессов». Она утрачивает свою абсолютную значимость и переходит в разряд «частного случая», примененного к определенному этапу социально-экономического прогресса Можно лишь высказать предположение, что предстоит выработать более общую теорию ценностей, учитывающую влияние всей совокупности экономических, социальных, этических и иных характеристик».

Новая парадигма, о которой говорит автор брошюры, идет в русле идей, изложенных Марксом в «Экономических рукописях 1857-1859 годов» и посвященных экономике будущего, стержнем которой, как он предвидел, станет «развитие общественного индивида». Сегодня мы называем это «человеческим капиталом» и выдвигаем на передний план, рассуждая о прорисовывающихся контурах инновационного общества. В связи с этим высказанные Марксом мысли приобретают большую актуальность в поисках новых измерений экономического развития.

Включение в производство «всех сил науки и природы» «сил общественной комбинации и социального общения» (мы сказали бы «социального капитала») приводят к тому, что «меновая стоимость перестает быть мерой потребительной стоимости». Между тем, прилагаются усилия к тому, чтобы эти «колоссальные общественные силы измерять рабочим временем и втиснуть их в пределы, необходимые для того, чтобы уже созданную стоимость сохранить в качестве стоимости».

Авторы доклада справедливо пишут о вопиющей недооценке творческого труда. Но предлагаемые критерии оценки такого труда по «лучшим условиям применения» кажутся недостаточно адекватными. В самом деле, как оценить по этому критерию ценность фундаментальной идеи, «лучшие условия применения» которой обнаружатся, как это нередко бывает в науке, через десятилетия? К тому же, как установить меру индивидуального авторства этой идеи при «всеобщности общественного знания»?

В поисках способа оценки творческого труда было бы полезно обратиться к категории «всеобщего труда», удельный вес которого стремительно возрастает и который все больше вытесняет «непосредственный труд», легко поддающийся стоимостным измерениям. Всеобщий же труд, видимо, нуждается в иных критериях измерения и оценки, нежели те, которые сформулированы в теории трудовой стоимости.

Хотя полная смена старой парадигмы на новую - дело далекой перспективы, но все же очертания последней более или менее отчетливо проступают в процессах зарождения инновационного общества. И это, по-моему, дает материал для концептуальных исследований и гипотез, выводящих за пределы устоявшихся традиционных представлений о рынке и трудовой теории стоимости.

В целом же, несмотря на известную тревогу за судьбу тех разделов темы, которые не освещены авторами, доклад мне импонирует своей дискуссионностью. С моей точки зрения, нет ничего хуже ортодоксально выверенных докладов, о которых нечего сказать, потому что в них все правильно.

Медведев В.А. Теперь моя очередь. Я тоже хочу высказать некоторые соображения по докладу, затем слово - докладчикам, и после этого будем подводить итоги.

Доклад свидетельствует о фундаментальном интересе авторов к поставленной в нем проблематике, о том, что они прекрасно владели материалом, особенно зарубежными источниками. Так что мы имеем дело со сложившейся и, по-моему, глубоко укоренившейся концепцией. Надеяться на то, что мы авторов сдвинем с этой позиции, естественно, не приходится. Но, тем не менее, все же возникают вопросы и сомнения. Они относятся к общей концепции мериторики и экономической социодинамики, хотя я не совсем понимаю, почему этот последний термин вы избрали.

Насколько я уловил, речь идет не столько о динамике общественного производства, сколько о методологических подходах к потребностям и способам их удовлетворения. Скорее, даже статических, чем динамических.

Хочу своими сомнениями и вопросами поделиться с вами и прежде всего с авторами, чтобы вместе над ними поразмыслить и найти пути, каким образом использовать сильные моменты концепции, представленной и разработанной Гринбергом и Рубинштейном, и приложить к нашему проекту.

Мне кажется, что они в значительной части и значительной степени могут быть использованы, в том числе и по проблеме социальных благ и социальной сферы, соотношения роли государства, бизнеса и гражданского общества в этой сфере.

Первое мое сомнение касается выведения неравенства из рыночного равновесия. В моем представлении это довольно разные плоскости экономического и социального анализа. Рыночное равновесие обеспечивает некий народнохозяйственный оптимум. Эта мо-

дель отражает эффективное распределение ресурсов между различными отраслями общественного производства и видами созидательной деятельности, дает возможность получить максимум полезности при данных затратах или определить минимум затрат при заданном объеме потребностей, но не затрагивает проблему распределения и перераспределения доходов во всей его конкретности, в том числе на прибыль, заработную плату, другие формы доходов.

Рыночное равновесие возможно при самых различных пропорциях распределения общественного продукта и чистого продукта и т.д., при различных пропорциях деления созданной стоимости на прибыль, заработную плату, различного рода вторичные, третичные доходы и т.д. и т.п.

Поэтому предложенная схема подхода к решению проблемы неравенства путем рыночных итераций распределения ресурсов по критерию сравнения фактического неравенства с нормативным мне представляется сомнительной. Она неосуществима рыночным путем, да и не нужна, если граница нормального и избыточного неравенства определяется априори.

Второе мое сомнение касается не только доклада Гринберга и Рубинштейна, но и доклада Шевякова, обсужденного нами в прошлый раз. Мне кажется, что нет оснований жестко противопоставлять нормативно-оценочный характер разграничения нормального и избыточного неравенства его реальным основаниям, решительно исключать либо одно, либо другое.

Раз говорится о нормальном равенстве, значит и по форме, и по существу это понятие содержит оценочный компонент, так же как избыточное неравенство. Избыточное в сравнении с чем? Все это - суждения, оценки, но вот какие это оценки, имеют ли они под собой объективные основания или нет, мне кажется, вопрос совер-

шенно ясен. Конечно, есть объективные основание и объективные факторы, на основе которых можно и теоретически рассуждать, и практически считать границы, хотя до определенной степени условные, между равенством и неравенством.

«Оценочность» вытекает из самой методики определения нормального и избыточного неравенства, предложенной Шевяковым и Кирутой, с исключением бедности. Но дело все в том, что и граница бедности подвижна и условна. Так что без ценностного компонента здесь не обойтись. Но это не значит, что не надо искать и объективные границы и факторы, и то, что предлагают Шевяков и Кирута, - возможный вариант. Хотя над дальнейшей аргументацией его надо дальше работать с учетом того, что верхний предел неравенства связан с социально-политическими факторами, а нижний – с ненанесением ущерба экономической динамике.

Третье мое сомнение касается формулы докладчиков со ссылкой на зарубежных авторов, что государство, покупая как любой товар равенство, должно платить за ограничение неравенства, как компромисс между эффективностью и справедливостью. Мне кажется, это не очень корректная постановка вопроса. Здесь нет купли-продажи. А затраты государства на социальные цели, если они имеются в виду, не носят безвозвратного характера. Они повышают благосостояние людей в настоящем и, главное, дают огромный экономический эффект в будущем с некоторым (большим или меньшим) временным лагом.

В связи с этим не могу не поддержать тех, кто не согласен с тезисом о государстве как одном из главных субъектов рыночных отношений. Он противоречит утверждениям и посылкам Р.С. Гринберга и А.Я. Рубинштейна о провалах рынка в некоторых социально-экономических процессах и необходимости государственного вме-

шательства. Что же получается: государство вмешивается для того, чтобы провалы рынка восполнить теми же рыночными методами? Или это все же переход к неким другим, нерыночным методам регулирования?

Выходя за пределы нашего обсуждения, я хотел бы высказать некоторые сомнения, касающиеся несводимости общественных потребностей к индивидуальным. Я прочитал некоторые главы в учебнике «Экономика культуры». Это, пожалуй, даже не просто учебник, а фундаментальный труд, в котором изложены позиции Р.С. Гринберга и А.Я. Рубинштейна.

В качестве несводимых общественных потребностей называется оборона, фундаментальная наука и, как я уловил, культурное наследие, хотя, может быть, я здесь не точен.

Реплика. В том числе.

Медведев В.А. Что касается обороны, аргументируется это тем, что человек не потребляет ракет, не потребляет отравляющие вещества или какие-то другие предметы военного назначения. Разве ракета является конечным продуктом сферы обороны? Конечным продуктом сферы обороны, которым пользуются люди, является внешняя безопасность, а не ракеты. Ракеты – это только средство создания этого продукта. Так же как человек удовлетворяет свои потребности в мясе, молоке, не потребляя тракторы и удобрения. Конечно, в отношении расходов на оборону возникали и возникают вопросы о понятии и методах обеспечения безопасности, разумной достаточности, ведомственных интересах и т.д. Но это уже другая сторона дела. Примерно то же относится и к внутренней безопасности, призванной служить интересам человека.

Проблема фундаментальной науки в этом смысле несколько сложнее, но нельзя и здесь отделять человека от интереса к науке и

приобщения к ней. Научные знания – предмет индивидуального потребления не только ученых и разработчиков, но и тех, кто получает и совершенствует образование. Это, наконец, мощный пласт общей культуры всего населения. Почему же это несводимая потребность? Не понятно.

Формула несводимых потребностей, мне кажется, может завести далеко в смысле разделения и противопоставления человека и общества, точнее, человека и государства. Но ведь есть еще ряд уровней и разрезов общества, интересы и потребности которых выражаются огромным количеством структур, организаций, региональных, профессиональных, этнических и т.д. Это что, тоже несводимые потребности?

Создается обедненное, одностороннее представление о человеке как носителе лишь индивидуальных интересов и потребностей при игнорировании его общегражданских, а также всей гаммы групповых, корпоративных и других интересов общностей, к которым человек принадлежит. А государство превращается в носителя неких оторванных от человека интересов и потребностей. Это может служить оправданием негативных тенденций в деятельности государства и препятствий на пути его демократизации, повышения роли институтов гражданского общества.

Человек – носитель всей системы общественных отношений (я не считаю эту марксистскую формулу неприемлемой), всех интересов и всех потребностей. Другое дело, в какой степени и как они агрегированы, каков способ удовлетворения потребностей, – индивидуальный или совместный с другими. И тут целая система – не просто «человек и государство».

Конечно, я согласен с тем, что государство, определяя свое место в удовлетворении потребностей людей, выполняет важнейшие

общественные функции. Совершенно очевидно, что марксистское понятие государства только как продукта и орудия столкновения классовых интересов совершенно недостаточно. Это общественный институт, который призван выражать общие интересы, общие потребности (хотя, конечно, различные политические силы стремятся использовать государство в своих интересах).

Проблематика, которую разрабатывают Р.С. Гринберг и А.Я. Рубинштейн, имеет прямое отношение к пониманию роли социальной сферы в смягчении неравенства. Мне кажется, что не следовало бы недооценивать эту аргументацию в пользу системы государственного участия в удовлетворении социально-культурных потребностей и т.д. Причем смягчения неравенства в первую очередь за счет тех компонентов, которые не имеют отношения к стимулированию экономической динамики. Например, разница в доходах и уровне жизни, возникающая за счет численности нетрудоспособных в составе семей, не имеет никакого стимулирующего значения. Наоборот, это фактор дестимулирования роста народонаселения. И, конечно, государство не может оставаться в стороне от этого.

Весьма убедительны доводы А.Я. Рубинштейна в пользу активной роли государства в поддержке культуры. Конечно же, сфера культуры не может выдержать рыночной конкуренции в силу болезни Баумоля. Государство должно оказывать финансовую помощь учреждениям высокой культуры. Но это, мне кажется, не единственный аргумент. Надо посмотреть на эту проблему не только с точки зрения учреждений культуры, но и человека-потребителя культурных ценностей. Государство в какой-то мере может выравнивать возможности людей, уменьшать зависимость удовлетворения культурных потребностей от уровня доходов населения.

Я не очень понимаю, почему эти простые аргументы не приводятся. Они, по-моему, важны для более полной аргументации. Дело не сводится только к характеру благ, к различию потребностей - сводимы они или не сводимы, делимы или не делимы, но и к тому, что государство выполняет определенные социальные функции в смысле регулирования равенства-неравенства и приближения к каким-то оптимальным параметрам, выравнивания доступа к общественным благам.

Мне представляется, что в рамках нашего проекта подход к социальной сфере с точки зрения характера благ следовало бы дополнить встречным движением – подходом к ней, исходя из специфики ее важнейших компонентов, в том числе социальных трансфертов, их роли в смягчении неравенства в доходах.

Шакин С.В. В силу того, что дискуссия получила такое развитие, мне бы хотелось сделать, буквально, несколько ремарок. Может быть, если быть точнее, озвучить постановочные вопросы для тех, кто так активно только что дискутировал.

Когда мы говорим о рынке, о том, что государство является, скажем, исполнителем некоторых законов, которые это же государство, только в другом своем качестве, придумывает, мы забываем, что то же самое государство имеет и другое лицо, а именно, является не только дирижером, не только судьей, но и игроком на рынке. А скажите, пожалуйста, кем, например, является Центробанк, который скупает на рынке избыточную валюту? Государство начинает действовать, как игрок на рынке, в то же время, оказывая воздействие на макроэкономические показатели в интересах реализации своих целей, например, стабилизации валютного курса, сдерживания уровня инфляции и т.п.

Здесь была ремарка по поводу того, что некоторые умники-бизнесмены саморегулируются. Во-первых, умники-бизнесмены с апломбом о многом говорят и многое высказывают, при этом преследуя свои весьма узкие, прагматичные, нередко сиюминутные цели и интересы, а не долгосрочные интересы экономики страны и, тем более, общества. Не принято говорить фамилии, но, поскольку сейчас человек переехал в другое государство и носит ту же самую фамилию Бендукидзе, то он, например, с пеной у рта настаивал на отмене валютного регулирования и, в частности, обязательной продажи валютной выручки. Он выступал за существенное снижение норматива обязательной продажи валютной выручки. Причем, говорил, что это никоим образом не влияет на макроэкономические показатели, обосновывал интересами развития экономики России.

Речь-то, оказывается (когда он уехал в свою Грузию, то это стало понятно), шла о том, чтобы убрать ограничения по обязательной продаже валютной выручки, минимизировать издержки по транзакциям и трансграничным валютным операциям для себя. В конечном итоге, кончилось тем, что Каха Бендукидзе 70 миллионов долларов увел за границу, обналичив свой бизнес, и переехал в Грузию.

Поэтому эти все маневры бизнеса понятны. Бизнес может быть прагматичным, диалектичным, маневренным и подстраивается под те правила, под те законы, которые, собственно, формулируют государство как законодатель, как регулятор.

А вот когда государство проявляет себя как собственник неких активов, то оно и находит свое место в рынке в качестве игрока.

Поэтому вроде, если с этой позиции посмотришь, то одно лицо государства видно, а, если с другой стороны проанализировать — другое лицо государства проглядывается, другая его функция.

Мне, например, лицо государства как игрока на рынке, как собственника видно достаточно отчетливо. Другой вопрос: ответственный и эффективный ли это собственник государство, когда оно управляет своими активами?

Нередко наши либералы возводят в абсолют показатели эффективности управления государством своими активами и денежными средствами в условиях рынка, обосновывая этим априори недееспособность государства как игрока на рынке, при этом забывая, что в некоторых случаях, государство просто обязано, учитывая общественный совокупный интерес, сознательно отказываться от прибылей и рыночной экономической выгоды (наука, искусство). Действительно, тут уже оно идет на издержки и упущенную выгоду под влиянием общественного мнения, интересов общества. Например,

оно может актив не по спекулятивной цене продать, или продавать бензин, который ему принадлежит не по высокой рыночной цене, а по той цене, при которой наш сельхозпроизводитель выживет, может идти сознательно на издержки, допустим, кредитуя образование и науку по ставкам ниже, чем может предложить рынок?

Медведев В.А. Я думаю, что против этого никто не будет возражать, потому что если речь идет об отраслях, предприятиях, корпорациях, основным владельцем акций которых является государство, оно, конечно, должно блюсти рыночные законы.

Шакин С.В. Я хочу одно добавить. Как раз мне симпатична та позиция наших ученых, которые говорят: для эффективного управления госактивами в условиях рыночной экономики нужно эту функцию государства, как собственника, вынести из правительства и министерств, создать государственную управляющую компанию, которая бы действовала в качестве реального игрока на рынке и руководствовалась бы только экономическими критериями, такими как эффективность, капитализация, чистая стоимость, прибыль, выгода и т.п. А правительство и министерства с ведомствами выполняли бы тогда функции только регулирования и контроля, субсидируя процентные ставки, датируя, где это необходимо, и финансируя на невозвратной основе фундаментальную науку, образование, искусство, в интересах развития общества, не вдаваясь в дискуссии о рыночной эффективности в данных областях.

Реплика. Государство как собственник нанимает менеджеров, управляющих его активами в рыночном режиме.

Рубинштейн А.Я. Во-первых, всем большое спасибо, за то, что столь глубоко обсуждаете наш текст, включая даже те работы, которые сегодня не были представлены. Я имею в виду и свой учебник «Экономика культуры». Несколько моментов, на которые я хотел бы обратить внимание.

Первое. Мне кажется, тема общественных потребностей вообще и, в частности, в какой мере они соотносятся с индивидуальными потребностями, с интересами индивидуумов, - это очень трудная, большая и серьезная проблема. Вряд ли сегодня мы ее сумеем разрешить. Хотел бы лишь заметить, что и в литературе нет ничего однозначного и, наоборот, существуют разные школы и традиции.

Есть *английская традиция*, начало которой положили работы Адама Смитам и Джона Стюарта Милля, успешно развитая и закреплённая после прививки гитлеризмом и сталинизмом в виде принципа нормативного индивидуализма. Согласно данному принципу любые потребности – это некий агрегат частных интересов. Между тем сохраняется и *немецкая традиция*, где превалирует иная точка зрения, берущая свое начало в истоках финансовой науки (Finanzwissenschaft). В соответствии с ней «государственное вмешательство необходимо из-за наличия общественных потребностей, не выявляемых в потребностях отдельных членов общества»⁴⁰, а само государство рассматривается в персонифицированной форме⁴¹. Работы представителей блистательной триады золотого века немецкой финансовой науки – Лоренц фон Штайн, Альберт Шефл и Адольф Вагнер – и сегодня имеют научную ценность.

Что же касается наших взглядов, то они ясно выражены в монографии «Экономическая социодинамика», переведенной на англ-

⁴⁰ Schaffle A. Das Gesellschaftliche System der Menschlichen Wirtschaft. 3rd ed. Vol.2, Tübingen, 1837, S.113.

⁴¹ V. Stein L. Lehrbuch der Finanzwissenschaft, Erster Teil, 5th ed., Leipzig, 1885, ss. 5-6.

лийский язык и изданной в прошлом году издательством Шпрингер в Германии и США⁴². Скажу лишь, что мы считаем абсолютизацию постулата нормативного индивидуализма не очень верной. Мы исходим из принципа комплементарности индивидуальной и социальной потребности, и полагаем, что государство, обеспечивающее реализацию социальных интересов, выступает в качестве автономного рыночного игрока. Не знаю, насколько эта центральная для нас проблема является темой сегодняшнего разговора. Но мы всегда с интересом готовы участвовать в любой дискуссии посвященной данной теме.

Второе. Я понимаю, что каждый из сидящих за столом ученых мужей может молиться собственному богу и придерживаться своих взглядов как на проблемы неравенства, так и, вообще, по поводу самых разных проблем экономической теории и социальной политики. В связи с этим, наверное, имеет смысл договориться о неких исходных предпосылках.

Мы исходили из общих мейнстримовских положений и стандартной рыночной модели, в соответствие с которой, возникает Парето оптимальное рыночное равновесие, обуславливающее соответствующее распределение ресурсов. Есть государство, которое в соответствии с общественными интересами, в основе которых всегда лежат ценностные суждения, обеспечивает перераспределение ресурсов. Мы имеем в виду смешанную экономику с соответствующей ей системой институтов, обслуживающих государственную активность: налоги и налоговые льготы, трансферты потребителям и субсидии производителям, а также разного рода законодательные и

⁴² Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. «Экономическая социодинамика». – М., 2000; Grinberg R., Rubinstein A. Economic Sociodynamics. Springer-Verlag. Berlin, Heidelberg, New York, 2005. .

нормативные акты, регулирующие правила игры. Мы сходим из сугубо теоретической модели. Подчеркну это еще раз.

Третье. Собственно, с этих позиций мы и рассматриваем проблемы неравенства. При этом в полном согласии с экономической теорией мы исходим из того, что абсолютного равенства, доходы это, собственность или доступность различных благ не только не может⁴³, но и не должно быть⁴⁴. Ибо неравенство возникает и в условиях равновесия, при оптимальном распределении ресурсов.

Неравенство является объективной категорией экономического равновесия. При этом я много раз выступал и говорил об эффективности понятия нормального неравенства, введенного в литературу, как мне кажется, в работах А.Ю. Шевякова и А.Я. Кируты. Анализируя эти работы и доклад А.Ю. Шевякова на прошлом заседании Круглого стола, мы пришли к ясному выводу о том, что дефиниция нормального неравенства является, во-первых, ценностной категорией и, во-вторых, она отражает тот социальный интерес, который существует в обществе, и который связан с намерением уменьшить фактически сложившийся уровень неравенства.

Повторю еще раз, что в нашем понимании стремление от фактического неравенства к нормальному – это автономный общественный интерес, не выявляемый в индивидуальных предпочтениях. Именно в этой связи мы и применяем нашу схему, связанную с социальным иммунитетом, как альтернативный механизм, позволяющий выявить общественный интерес уменьшения неравенства. Собственно, эта общественная потребность и устанавливает искомую этическую норму – уровень нормального неравенства.

⁴³ Мы не рассматриваем здесь различного рода утопии, предполагающие возможность достижения полного равенства вне зависимости от «талантов, знаний и воли» людей.

⁴⁴ Абсолютное равенство, как известно, ликвидирует мотивацию и приводит к снижению экономического роста.

Четвертое. Еще один момент, который обязательно следует упомянуть, о котором, кстати, говорил и В.А. Медведев, но «с другим знаком». Мы твердо уверены, что сокращение неравенства требует затрат общества. Это наша позиция, которую мы готовы обосновывать. Я уже ссылался на Вильяма Баумоля, и могу лишь повторить еще раз фрагмент из его учебника «За равенство надо платить. Поэтому, как и в отношении любого товара, общество должно рационально для себя решить, сколько равенства ему следует «купить»⁴⁵. Могу привести и работы Эдгара Браунинга, и многих других экономистов отстаивающих эту, довольно ясную точку зрения. Да, за равенство или стремление к равенству общество должно платить. Это следует из экономической теории. Потому что, если равновесие приводит к какому-то уровню неравенства, то всякое перераспределение, которое обеспечивает сокращение этого неравенства, чревато и ведет к потере эффективности. Это и есть та плата общества за реализацию его общественного интереса, связанного со снижением неравенства.

Пятое. Хочу обратить внимание еще на один сюжет и опять-таки с точки зрения теории. Речь идет об оценке творческого труда. Сегодня творческий труд – это не только наемный труд, но это еще и продажа результатов созданного им продукта, который является общественным благом, обладающим свойствами неисключаемости и несоперничества. Здесь то и проявляется сюжет индивидуализации результатов общественного труда, связанный с интеллектуальной собственностью, которая, в свою очередь, обеспечивает некие новые возможности дооценки творческого труда.

И последнее, о чем я хотел сказать, относится к чисто теоретическим вопросам. Вот здесь, действительно, надо договориться о то-

⁴⁵ Бомол У., Блайндер А. Цит. соч., с. 409.

лерантности. Это ведь не те вопросы, которые решаются голосованием. Мне известна позиция А.Ю. Шевякова и А.Я. Кируты, связанная с определением нормального неравенства на базе статистических расчетов. И я не вижу особого противоречия тому, что мы предлагаем. Мы ведь говорим только об одном: в начале нужно оценить меру неравенства, которую общество хочет допустить, а дальше на основе этой меры можно пересчитать и уровень бедности, и все необходимые социальные трансферты и т.д. В этом смысле статистические расчеты очень даже полезны. Единственно, что в них не надо искать, так это то, что имеет ценностную природу. Спасибо.

Медведев В.А. Как же согласовать утверждение (оно разделяется практически всеми) о наличии интересов общества, «принципиально не выявляемых рынком», о системных недостатках в механизме «невидимой руки», о «провалах рынка», о необходимости дополнения «невидимой руки» другим механизмом с тезисом о государстве как субъекте рынка, действия которого координируются механизмом саморегулирования? Выходит, это провалы рынка исправляются самим рынком?

Рубинштейн А.Я. Еще раз говорю. Часто рассматриваются стандартные рыночные модели, где государства нет в рынке. Государство где-то над рынком, вместо рынка, которое потом вмешивается, исправляет ошибки, уменьшает монополию и т.д. Мы вместо этого предлагаем некую иную модель, объясняя, что у государства есть своя система интересов. Оно является агентом общества с точки зрения отражения не выявленных рынком интересов, и входит в рынок как его игрок, так возникает и оптимум. Вот наша позиция.

Гринберг Р.С. Это очень правильное замечание по поводу выражения мыслей. В этом случае мы отдали дань прежней концепции вмешательства государства в то, что не выявлено рыночным путем. На самом деле речь идет о роли государства в то, что не выявлено в результате взаимодействия индивидуумов. Я думаю, что это будет более точно. В противном случае действительно формальное противоречие возникает. Здесь чисто вербальная ошибка. Еще раз

Медведев В.А. Значит, Ваше выражение, что «рыночный механизм должен быть дополнен другим механизмом», не точно?

Гринберг Р.С. Абсолютно правильно. Я бы сказал так, если уж совсем говорить просто. Мы, действительно, больше рыночники, чем многие представляют себе. Для нас государство - рыночной игрок только потому, что у него есть ограниченные средства, как у любого индивидуального, и он участвует во взаимодействии с индивидуальными игроками.

А теперь я хотел бы коротко высказаться о том, что говорил С.П. Перегудов насчет субъектов публичной политики - о государстве, институтах гражданского общества. Мне вообще кажется скучным делом упрекать нас в том, что мы игнорируем институты гражданского общества. На самом деле, говоря совсем примитивно, если нет гражданского общества, если нет развитых его институтов, то социальный иммунитет может вообще просто не сработать. И любое общество может просто утонуть как Атлантида.

Мы России в данном случае не касаемся. Мы много написали статей про Россию, что если говорить о российской ситуации, то как раз она ярко демонстрирует полное отсутствие социальной ответственности государства за развитие общества. Но это другая тема. Кто против гражданского общества? Давайте будем говорить о гражданском обществе, о его институтах. Ну что мы можем сказать? Меня,

например, волнует тема, что у нас в последнее время утрачены механизмы для самоорганизации. Давайте будем говорить, что гражданское общество нам необходимо. Ясное дело, что необходимо. А что дальше? Если мы будем говорить, что мы игнорируем институты, только через них можно выявить общественный интерес. Конечно, для учебника можно было бы написать. В данном случае это не является проблемой для нас.

Перегудов С.П. Иммуниет может существовать без институтов?

Гринберг Р.С. Иммуниет может существовать без институтов. А почему ему не существовать без институтов? Я вам скажу одну простую вещь, чтобы было ясно совсем. Есть в ФРГ Партия зеленых.

Перегудов С.П. Это тоже институт.

Гринберг Р.С. Вот в 71-м году ее не было. Когда вы протестуете так активно против пассионарного меньшинства – в чем проблема? Кто-то заметил, что кто-то что-то сливает в реку. Но один, два или три человека – это же кружок, это конкретные люди, индивидуумы. Они это заметили и стали кричать везде. На них смотрели как на сумасшедших. А потом возник институт. В моем представлении социальный иммунитет как раз здесь как-то сработал, и он в свою очередь породил этот институт под названием «Партия зеленых». Потом возник развитый институт, который заставляет всех об этом говорить. Сегодня я по Евроньюс слушал, что теперь вообще экология на первом месте в Европе. Почему? Оказалось, что там две трети отходов не утилизируется. Отходы утилизируются только промышленными предприятиями. Об этом говорит Зеленая партия, которой не было. Но я твердо уверен в том, что социальный иммунитет сработал. Бывают случаи, когда он не срабатывает.

Реплика. Без гражданского общества социальный иммунитет как бы висит в воздухе.

Гринберг Р.С. Конкретные люди. Какой воздух? Что значит в воздухе?

Красин Ю.А. Гражданское общество - не только партии. Гражданский институт – это форма общественной самодеятельности. Если нашлось несколько людей, которые заявили о своей общественной позиции, то уже институт.

Гринберг Р.С. Почему это? Он потом стал институтом.

Медведев В.А. Вы пишете, что определение соотношения между избыточным и нормальным неравенством должно быть результатом публичной политики.

Гринберг Р.С. Я как раз хотел к этому вернуться. Объясняю. Всякое указание о том, что существует какая-то скорость света в экономике, я считаю, просто смешным. И здесь доказательство простое. О нем мы сегодня говорили. Если для Финляндии отношение 1:5, наверное, вызвало бы революцию, у них всегда 1:2 почти, как при нашем благословенном социалистическом строе, то для США - 1:15 и это очень стабильное общество. И что с этим делать? Что делать с вашими «1:7» или «1:8»?

Я исхожу из того, что мы тоже живем здесь при 1:14 или 1:15. И что из этого?

Мы единственно знаем одно, что разрыв не должен вызывать социального напряжения. Мы это должны чувствовать. Это чувствовать должны парламентарии. Вы правильно говорите: социальное напряжение. А что такое социальное напряжение? Вы можете называть это социальным напряжением, у нас это называется социальным иммунитетом. Просто другими словами мы это выражаем. Надо ли сократить неравенство? Это решают Сталин, Пиночет, либо 450

парламентариев, какие бы они там ни были. Если надо, то это значит, что у Абрамовича и Потанина забрать больше налогов.

Я считаю, что есть противоречия между справедливостью и эффективностью. Это аксиома. Никто ее не ставит под сомнение. По крайней мере, в рамках неоклассики.

Можно отрицать мейнстрим. Но возникает один простой вопрос: мы хотим иметь целостный взгляд на жизнь, какую-то концепцию. Она, естественно, исходит из неких абстракций. Мы пытаемся ее создать хорошо или плохо. Я не хочу выглядеть нескромно, но дело в том, что нет адекватного теоретического образа современной реальности. Мы начали свою работу, исходя из практики, потому что мы поняли, насколько чудовищен, контрпродуктивен и порочен взгляд, в соответствии с которым чем меньше государства, тем лучше для экономики. Но мы хотим остаться в рамках теории, которая может объяснить все это. Если есть другая теория, то она может конкурировать. Но я ее просто не знаю.

А то, что мы не написали здесь о социальных благах, то это, наверное, хороший упрек. Я думаю, что мы его исправим. Может быть, сократим чисто теоретическую часть, которая сюда не очень относится. Это совсем другая тема. Мне не хочется отказываться от принципа несводимости или еще чего-то. В конце концов, это доктрина. Она может жить, может не жить, она может быть забыта, может быть развита.

Медведев В.А. Я лишь высказал свои сомнения.

Гринберг Р.С. Это естественно, а как иначе? Мне кажется, одно – в любой теории так: либо вы согласны, либо если вы соглашаетесь с посылками, то тогда вы ищите противоречие в рамках самой доктрины. Вы ее нашли, когда сказали, что провалы рынка исправляются нерыночным путем. У нас всё рыночным путем.

Мне кажется, когда эти разговоры насчет того, что экономика рыночная, а общество нерыночное, для нас это совершенно пустое дело, чисто вкусовое. Мы исходим из того, что все хотят максимизировать доход.

Медведев В.А. Даже самые явные радикал-либералы говорят, что государство – это не рынок. По вашей формуле увеличение роли государства в экономике вполне нормально, потому что это тот же рынок...

Гринберг Р.С. Нет, у нас не так. Мы, видимо, ведем дискуссию действительно в разных координатах, Я с уважением отношусь к марксизму, с уважением к институционализму отношусь. Но, на наш взгляд, они как бы не дают целостного взгляда

Медведев В.А. Вы сформулировали очень хороший тезис: там, где рынок не срабатывает, нужно государственное вмешательство.

Гринберг Р.С. Нет, это была ошибка. Я хочу еще раз подчеркнуть. Это ошибка в формулировке.

Медведев В.А. Государство от рынка никак нельзя отрезать. Государство призвано правовыми нормами регулировать рыночные отношения.

Государство должно считаться с законами рынка, если оно само ведет экономическую деятельность, владеет предприятиями – субъектами рынка. Но когда государство финансирует образование, здравоохранение, выдает пенсии, оно исходит не из законов рынка. Кстати, в сегодняшнем докладе проблема социальных трансфертов вообще отсутствует.

Рубинштейн А.Я. Нет, как это отсутствует?

Медведев В.А. Я имею в виду разграничение в американской статистике двух видов социальных расходов. Первый – это социаль-

ные услуги - больницы, школы и т.д. Второй - трансферты - пенсии, пособия и т.д.

Гринберг Р.С. Еще два слова и всё. Мне лично кажется, что, если мы остаемся в рамках проекта, у нас есть точки соприкосновения независимо от того, поддерживаете вы эту теорию или нет. Это совсем другое дело. Просто, наверное, как и Рубинштейн, не вижу особого противопоставления между шевяковским подходом к нормальному и избыточному неравенству, о чем мы говорили. Для нас ясно, что это какое-то целеполагание, как бы вы этого ни хотели, как марксисты. У марксизма, по-моему, на самом деле, еще больше идеологии.

Я думаю, что мы должны, наверное, написать дополнительно, о социальных и частных благах в русле публичной политики, может быть, за счет сокращения чистой теории, чтобы было однородное исследование. Для нас публичная политика – это слишком святое, а она очень легитимна в отличие от тех теорий, которые сейчас существуют, где государственная активность вообще не легитимна, а просто исправляет ошибки рынка. На самом деле, государство занимает половину экономической активности. Почему? Вот это очень важный вопрос. Государство встроено в рыночную ткань, но понятно, что это так необычно, когда государство считают рыночным игроком. Но это для нас не метафора. Это не является, если хотите, таким каким-то достижением. Оно может быть опровергнуто веками, а может быть – наоборот. Это же пока не ясно. В любом случае это попытка все-таки сделать государственную деятельность легитимной и необходимой. Сколько его должно быть – много или мало, никто не знает.

Приведу один пример. Ходят в австрийскую оперу. Сколько человек, вы думаете, ходят в оперу, сколько процентов?

Реплика. Три с половиной.

Гринберг Р.С. Три с половиной процента ходят. При этом билет стоит 200 евро. А если бы государство не играло, он стоил бы 600. И тогда люди говорят: что вы делаете, почему богатые у вас еще богаче становятся. Ясное дело, что богатые ходят.... А им еще за это доплачивают. Это же ужас какой-то!

Мы одному известному австрийскому экономисту - мощному рыночнику, но в плохом смысле, не в нашем - задали этот вопрос. Он задумался и говорит: а это у нас консенсус австрийского народа. Ничего себе консенсус – четыре процента. Социальный иммунитет сработал в том смысле, что если бы не было государственной поддержки, то ходил бы один процент, а не четыре.

Медведев В.А. Я думаю, мы можем закончить наш сегодняшний разговор на такой конструктивной ноте. Радикал-либеральная формула «государство - вон из экономики и социальной сферы» всеми нами не разделяется. Вот это то, что необходимо и, наверное, достаточно для исследования и обсуждения как государству действовать в социальной сфере, в том числе и по проблеме неравенства.